

ДЕЙНА РОУВ

Недописанная книга

Проклятие талантов

Дейна Роув

Недописанная книга

«Автор»

2026

Роув Д.

Недописанная книга / Д. Роув — «Автор», 2026 — (Проклятие талантов)

Молодая и амбициозная писательница Луиза Браун приезжает в старинный отель «Амбер», чтобы найти вдохновение для своего нового романа. Она селится в номере 217 и с упоением описывает каждую деталь. Но когда на следующее утро она спускается с ключами, администратор с холодной улыбкой заявляет, что такого номера в отеле не существует. И действительно, на двери, ведущей в её вчерашний номер, теперь висит табличка «Гардеробная». Луиза уверена, что сходит с ума, пока не обнаруживает в архивах черновики своей покойной матери, трагически погибшей много лет назад. Ужас сковывает её: мать писала почти идентичную книгу, вплоть до мельчайших описаний того самого несуществующего номера. И её история оборвалась на полуслове — жестоким убийством. А что если... ее тоже убьют?

© Роув Д., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	16
Глава 4	19
Глава 5	26
Глава 6	33
Глава 7	36
Глава 8	43
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Дейна Роув

Недописанная книга

Глава 1

Творческий тупик

Белое поле пергамента было самым громким звуком в кабинете.

Оно не просто молчало. Оно кричало этой ослепительной, безжалостной белизной, подчеркнутой мерцанием масляной лампы и отражавшей пустоту в сознании мисс Луизы Браун. Перо с золотым пером лежало неподвижно рядом, его стальное острие высохло. Чернильница из темного стекла казалась чёрным бездонным колодцем, в который страшно было заглянуть. Между тиканьем маятника старинных напольных часов рождались и умирали фразы. «Леди М. отворила тяжёлую дубовую дверь...», «Туман, словно испарения Стикса, обволок особняк...», «Он ведал, что тайна...». Они застревали где-то меж горлом и кистью, рассыпались прахом. Луиза с размаху зачёркивала их, оставляя на бумаге гневные, бесполезные кляксы, похожие на следы яда или крови.

Она откинулась на спинку вольтеровского кресла, и старый кожаный чехол издал стон, будто разделяя её тягость. Её будуар в лондонском доме, некогда уютное убежище дамы-литератора с книжными шкафами до потолка, пахнувшее воском, старой бумагой и лавандой, теперь казался ей камерой. Тома в сафьяновых переплётах давили корешками, золочёные буквы на титулах шептались за её спиной, насмехаясь: «Нас написали. А тебе не дано». Даже любимая фарфоровая чашка для промокания печатей стояла пустая и пыльная.

Контракт.

Слово это висело в воздухе, гуще лондонского промышленного смога. Оно исходило от мистера Генри Эштона, её издателя, чьи письма, доставляемые мальчиком-рассылным, становились всё лаконичнее и холоднее: «Прошу сообщить о прогрессе», «Ожидаю первую тетрадь к означенному числу», «Дорогая мисс Браун, время – деньги». Соглашение на новый трёхтомный роман, который должен был упрочить её положение после умеренного успеха её дебютных «Вечерних элегий», превратилось в удавку. Выданный аванс был почти истрачен – на аренду этого самого дома с «видом, подобающим автору с претензией», на тишину, которую она теперь не могла выносить. «Сентиментальный роман с элементами таинственности», – значилось в описании для объявлений. Ирония была горькой. Сама её жизнь превращалась в мелодраму, где главным злодеем была её же иссякающая муза, а вся «таинственность» сводилась к необъяснимому страху перед чистым листом.

Она встала, складки её темно-коричневого платья шуршали, нарушая гнетущую тишину. Подошла к высокому окну, отодвинула тяжёлую портьеру из дамаста. Лондон за свинцовыми стёклами был серым, влажным, анонимным. Газовые фонари на улице уже зажглись, борясь с наступающими сумерками и туманом, их свет расплывался жёлтыми призрачными пятнами. Фиакры и кареты с глухим стуком колёс по брусчатке увозили людей по своим делам. У каждого – своя история, своё направление. А она застряла. Застряла в точке ноля. История, которую она намеревалась поведать – история о покинутой невесте, обретающей тайну в наследственном поместье, – казалась ей вдруг вымученной, дешёвой, в духе мисс Брэддон, но без её пера. У неё не было души, ни одной подлинной нити, за которую можно было бы ухватиться, чтобы вытянуть на свет весь этот картонный мир.

Она потянулась к каминной полке, к миниатюре в овальной рамке из слоновой кости. С портрета смотрела девушка с тёмными, как у Луизы, волосами, уложенными по моде тридцатых годов, и грустными, но ясными глазами. Мать. Кэтрин Браун. Она умерла. После неё остался не столько след тайн, сколько шлейф недоговорённостей, обрывочных воспоминаний и одна-единственная странная история, рассказанная в лихорадочном бреду.

Луиза закрыла глаза, позволив усталости и отчаянию унести её назад, в детскую в их загородном доме в Суррее, с потертым ковром и трещиной на потолке, похожей на контур дракона. Запах лаванды и камфоры от платья матери, звук её голоса, тихого и хрипловатого от болезни, когда она читала ей сказки Андерсена. А потом, в одну из ночей, когда жар особенно бушевал, мать схватила её за руку, и её пальцы были сухими и горячими, как пергамент.

– Луиза... слушай, – прошептала Кэтрин, и её глаза, блестящие лихорадочным блеском, смотрели куда-то поверх головы дочери. – Запомни... «Отель д'Амбер». Янтарный. На севере, в Йоркшире, где туманы с моря стелятся по долинам и не рассеиваются до весны... Его выстроил безумец-фабрикант, начитавшийся готических романов. Из красно-коричневого кирпича, будто из запёкшейся крови. И свет там... свет там странный. Сквозь витражи льётся, густой, как старый херес, мёртвый и тёплый. Никогда не оставайся там, слышишь? Никогда.

– Почему, мама? – испуганно спросила маленькая Луиза.

– Потому что там теряют не только вещи... – голос Кэтрин стал едва слышимым, и она закашлялась, прежде чем продолжить. – Там теряют себя. Зеркала... Их там множество. И они лгут. Они показывают тебе то, чего нет. Или скрывают то, что есть... Они могут привязать к себе тень. И тогда твоя собственная тень... начинает смотреть на тебя чужими глазами...

Мать умолкла, её дыхание стало прерывистым, а взгляд потух, вернувшись в реальность комнаты. Больше она к этой истории никогда не возвращалась, а через несколько недель её не стало. Луиза, повзрослев, списала тот странный монолог на горячку и поэтическую, но болезненную фантазию умирающей женщины.

Но сейчас, стоя у окна и глядя, как туман затягивает улицы Лондона, словно живой, дышащий организм, Луиза вдруг с невероятной ясностью вспомнила не только слова, но и ощущение – леденящий страх, смешанный с непреодолимым любопытством, который передался ей тогда от матери. «Отель д'Амбер». Зеркала, которые лгут.

Идея ударила её, как внезапный порыв ледяного ветра в лицо. Что, если... Что если именно там? Что если этот туманный, проклятый, зеркальный отель и есть недостающий ключ? Не вымышленный особняк, а реальное, дышащее тайной место. Она могла бы поехать туда. Остановиться на несколько дней. Не как беглая невеста из её романа, а как наблюдатель, как автор, жаждущий вдохновения. Она будет записывать атмосферу, детали, легенды. Возможно, найдёт какую-нибудь старую историю, которую можно будет обратить в сюжет.

Это было безумием. Молодой леди, пусть и зарабатывающей пером, одной отправляться в глухой йоркширский уголок, в захудалый отель с дурной славой? Издатель счёл бы её помешанной. Общество... Но разве общество сидело перед этим осуждающе белым листом?

Волнение, первое за многие недели, стало разливаясь по её жилам, тёплым и тревожным, как предвестие лихорадки. Она отвернулась от окна, её глаза уже не видели унылого кабинета. Они видели башни, утопающие в тумане, длинные коридоры, отражающиеся в бесконечных зеркалах, тени,двигающиеся не в такт с людьми.

Она быстро подошла к письменному столу, не садясь. Схватила перо, макнула его в чернильницу, не дав себе времени на раздумья. На чистом, только что так пугавшем её листе она вывела крупными, решительными буквами:

«ОТЕЛЬ Д'АМБЕР. ЙОРКШИР. ЗАМЕТКИ ДЛЯ НОВОГО РОМАНА»

Под этим заголовком она написала первое предложение, которое пришло без малейшего усилия, будто всегда ждало своего часа:

«Поезд до Йорка отходил на рассвете, увозя меня из мира здравого смысла в объятия призрачной легенды...»

Луиза отложила перо. За окном полностью стемнело, но внутри неё впервые за долгое время забрезжил свет. Это не было спокойным, уверенным сиянием. Это был тот самый странный, янтарный, мёртвый и тёплый свет из рассказа матери. Он манил и сулил опасность. И она, отчаявшаяся авторша, готова была пойти у него на поводу.

Завтра она начнёт inquiries – расспросы. Найдёт ли кто-нибудь из знакомых, бывавших на севере, упоминания об этом месте? Возможно, в архивах или старых путеводителях... А потом – билет на поезд. И вперед, навстречу туману.

Творческий тупик был пройден. Впереди, сквозь мрак и неопределённость, зиял иной путь – путь в Зазеркалье. Луиза Браун сделала первый шаг.

Под заголовком «ОТЕЛЬ Д'АМБЕР» она написала еще несколько строк, пока мысль была горяча, а пальцы слушались:

«...Легенды говорят о зеркалах, заточающих не отражения, а души. И о свете, что не освещает, а заставляет тени шевелиться собственной, не зависящей от тебя, жизнью. Я еду не за сюжетом. Я еду за правдой, которая, быть может, окажется страшнее любого вымысла. И если я не вернусь – пусть эти заметки послужат объяснением, или предостережением».

Она откинулась, читая написанное. Сердце колотилось с непривычной силой – не от страха, а от предвкушения. Это был импульс, чистый и дикий. Впервые за месяцы она чувствовала не бесплодное напряжение, а направление.

Стук в дверь будуара заставил её вздрогнуть и инстинктивно прикрыть рукой исписанный лист, будто в нем уже таилась крамола.

– Войдите, – сказала Луиза, стараясь, чтобы голос звучал ровно.

Дверь открылась, и в комнату вошла миссис Эбби, экономка, женщина лет пятидесяти с лицом, которое всегда казалось слегка неодобрительным, даже когда она улыбалась. В руках у неё был серебряный поднос с чайником, чашкой и небольшим кусочком фруктового кекса.

– Вы не звонили, мисс, но я подумала, вы, возможно, забыли о времени, – сказала миссис Эбби, ставя поднос на край стола, её взгляд скользнул по беспорядку из испорченных листов и застыл на свежем, только что исписанном. – Работа движется?

– Начинает, миссис Эбби, начинается, – ответила Луиза с лёгкостью, которой не чувствовала. – Спасибо за чай.

– Очень хорошо, сударыня.

Экономка кивнула, ещё раз бросив оценивающий взгляд на стол, и удалилась, бесшумно закрыв за собой дверь.

Луиза вздохнула. Её тетя, Изабелла, была женщиной доброй, но твёрдой в своих взглядах на приличия и будущее единственной племянницы.

Она допила чай, почти не чувствуя его вкуса. Мысли метались, как птицы в клетке, но теперь у них была цель – вырваться. Ей нужно было узнать об отеле больше, и сделать это незаметно. Публичные библиотеки? Возможно. Но запросы могут привлечь внимание. Старые газеты? Коллекции Общества любителей древностей? Нужен предлог.

Внезапно её осенило. Среди книг на самой верхней полке, подаренных когда-то её покойной матерью, был толстый том в потёртом кожаном переплёте: «Живописные виды и достопримечательности Британии» с гравюрами. Издание середины века. Мать Кэтрин, живая, весёлая и чуть эксцентричная, иногда показывала ей картинки оттуда, рассказывая не казённые,

а странные, подчас мрачные истории о местах. Она и была тем родственным духом, который одобрял стремление Луизы к письму.

Луиза встала, подошла к книжному шкафу. Потребовалось встать на низкую скамеечку, чтобы дотянуться. Пыль пахла временем. Она сняла тяжёлый том и, сдув с обложки серый пух, отнесла его к столу.

Страницы шуршали, пожелтевшие и хрупкие. Виды Эдинбурга, озёрный край, руины аббатств... Она листала, задерживаясь на гравюрах с мрачноватыми замками. Йоркшир, Йоркшир... Вот он, раздел. Долины, вересковые пустоши, старинные рыночные городки. Она водила пальцем по подписям, сердце замирало в груди. Замок Болтон, аббатство Фаунтинс... Ничего похожего на отель.

И вот, почти в конце раздела, на странице, которую, казалось, реже перелистывали, она нашла то, что искала. Не гравюру, а небольшое текстовое примечание, набранное мелким шрифтом, словно издатель стеснялся его размещать.

«Любопытному путешественнику, не страшась глухих дорог, можно рекомендовать осмотреть своеобразную архитектуру т.н. "Амбер-Хауса" близ деревни Хэзертон в Западном Йоркшире. Построенный в 1840-х гг. для мистера Э.С. (предположительно, Элайджи Стерлинга, разбогатевшего на шерстяных мануфактурах), он сочетает в себе элементы неоготики и... причудливого личного видения заказчика. Местные жители обходят это место стороной, ссылаясь на "дурную ауру" и странные происшествия, более подходящие суеверным сказкам, нежели серьёзному описанию. Дом ныне функционирует как частный пансион под вывеской "Амбер Отель", но поток постояльцев невелик».

Вот он. Амбер Отель. Не «д'Амбер», как в бреду вспоминала тётя Изабелла, а именно так. И Элайджа Стерлинг. И дурная слава.

Луиза перечитала строчки ещё раз. «Странные происхождения»... «Дурная аура»... Это было даже лучше, чем она надеялась. Это была не просто выдумка больного воображения, а зафиксированный, пусть и скептически, факт.

Но почему тётя Изабелла, обычно такая весёлая и практичная, в бреду говорила об этом месте с таким ужасом? Бывала ли она там? Мать никогда не упоминала о такой поездке. И почему после смерти сестры Кэтрин наложила на эту тему табу?

Луиза осторожно закрыла книгу. План, ещё смутный час назад, теперь кристаллизовался. Она поедет. Под предлогом «творческого уединения для работы над романом». У Луизы есть её собственные, хоть и небольшие, деньги – скромный доход от первого романа, который она откладывала. И решимость, подпитываемая месяцами отчаяния.

Она быстро сложила исписанный лист и спрятала его в потайной ящик стола, под папку с давними черновиками. Затем подошла к зеркалу в резной раме. Свет лампы падал на её лицо – бледное, с тёмными кругами под глазами от бессонных ночей, но теперь с новым, твёрдым блеском в тёмно-карих глазах.

– Я еду, мама, – тихо прошептала она отражению. – Я посмотрю, чего ты так испугалась. И, быть может, найду там то, что не могу найти здесь.

Отражение молчало, лишь тень от дрожащего пламени лампы колыхала его черты. Но Луизе на миг почудилось – нет, ей показалось, – что в глубине зеркала, за её собственным силуэтом, мелькнуло другое движение. Быстрое, ускользающее, как тень птицы за окном. Она резко обернулась. Комната была пуста. Только часы тикали, отсчитывая время до её бегства.

Она глубоко вдохнула, взяла себя в руки.

Она потушила лампу на столе, оставив комнату в полумраке, освещённую только отблесками огня в камине. Вышла, плотно закрыв за собой дверь. Но чувство, что за ней наблюдают – не из мира людей, а из мира отражений, – не оставляло её всю дорогу по коридору к парадной лестнице.

Первый шаг был сделан. Дверь в Зазеркалье, пусть пока лишь в её мыслях, приоткрылась. И что-то по ту сторону, казалось, уже ждало.

Луиза стояла на крыльце дома своей тети Изабеллы. Та осуждающе смотрела на нее, ее глаза прямо говорили, что она против этой странной поездки. Сама мысль о писательстве не нравилась ее тете. Вскоре, подошла ее подруга Ребекка, она всегда поддерживала ее в такие моменты – когда Изабелла была против.

– Ну что? Что ты собираешься делать в Амбер Отеле?

Спросила Ребекка, садясь на коня.

– Найти там хоть чуточку вдохновения. – Промолвила Луиза.

– А как же ужасы? И тайны, происходящие там?

Ребекка говорила так, будто пыталась напугать Лу, но та лишь отмахнулась от её слов, как от навязчивого сна.

Следующие минуты их похода на вокзал, сопровождались молчанием со стороны Луизы. Весь поход говорила Ребекка, жалуясь на несправедливость, а Луиза кивала, поддакивая и только изредка вставляя слова.

Молчание длилось ровно до первого поворота на оживлённую улицу, где запах конского навоза смешался с дымом из труб. Ребекка, кажется, только и ждала этого момента, чтобы выпустить пар, копившийся под давлением осуждающего взгляда тёти Изабеллы.

– Вдохновение, – фыркнула она, будто это было ругательство. – В Янтарном Отеле. Уверена, там его навалом. Вместе с плесенью, сквозняками и призраками неоплаченных счетов. Но, конечно, это куда интереснее, чем сидеть в приличном салоне и слушать, как леди Изабелла перечисляет достоинства очередного незадачливого холостяка из хорошей семьи. «У него стабильное положение», – вот их самый громкий комплимент. Стабильное, как болото. И такое же глубокое и полное жизни.

Она ловко правила лошадьё, а слова лились легко и ядовито, будто она давно их отрепетировала.

– Взять, к примеру, этого нового поклонника леди Мэриотт, того, что с усами-моржовыми. Весь вечер вчера говорил о «женской логике» как о забавной болезни. Уверял, что мы, милые создания, способны мыслить только ассоциациями, как попугаи. А сам при этом трижды путал Чарльза Диккенса с Уилки Коллинзом и был свято уверен, что Австралию открыл сэр Фрэнсис Дрейк. И что ты думаешь? Все дамы снисходительно улыбались, а леди Мэриотт смотрела на него, как на нового Мессию. Потому что у него есть имение в Шропшире. Имение! Значит, может позволить себе быть идиотом. Это их главная привилегия.

Луиза кивнула, глядя на проплывающие мимо витрины. Ребекка, ободрённая молчаливым согласием, продолжала, наращивая сарказм.

– Они все играют в одну игру. Играют в «Больших Детей», которых нужно опекать, и в «Суровых Владык», которые эту опеку терпят. Нужно им сочувствие – они тут же хрупкие, мир их не понимает, работа тяжкая. Попробуй предложить реальную помощь, решение – обижаются. Как же, посягнула на их священную территорию Гения и Ответственности! А нужно им почувствовать себя значительными – тут же надевают маску покровителя. «Не волнуйся, милочка, я всё улажу». А «улаживают» так, что потом десять человек месяц расхлёбывают. Но виновата, конечно, будет «милочка» – слишком взволновалась, помешала мыслительному процессу.

Она на мгновение замолчала, пропуская гроыхающую телегу.

– И самое восхитительное в этом цирке – их абсолютная, непоколебимая уверенность. Уверенность в том, что их мнение о твоём платье – важнее твоего. Что их оценка твоих литературных опытов – истина в последней инстанции, даже если они последний раз книгу в руки брали в школе. Твой Эштон, издатель, разве не тот же фрукт? Судит, кассирует, даёт советы,

как тебе писать «правильно». А сам, я уверена, не способен связать и трёх предложений без «гм» и «э-э-э». Но он – мужчина. Он – в деле. Значит, имеет право.

Ребекка бросила взгляд на Луизу, всё так же погружённую в свои мысли.

– Вот ты и едешь искать вдохновение в старый отель с дурной славой. Потому что здесь, в цивилизованном Лондоне, тебе его душат на корню. Вежливо, с улыбкой. «Милая мисс Браун, не слишком ли мрачно? Не слишком ли смело? Дамы так не пишут». А что дамам положено? Вышивать крестиком и молчать в такт. Нет, я не против всех поголовно. Я против этой... этой системы, где наша роль – быть благодарной аудиторией для их монологов и умелой шваброй для их амбиций.

Она вздохнула, и в её голосе вдруг прорвалась усталость, прикрытая всеми этими остро-тами.

– Просто будь осторожна там, в своём отеле. Если там и есть призраки, то они, наверное, куда честнее. Они хотя бы не притворяются, что заботятся о твоём благополучии, пока ты им удобна.

Вокзал уже вырисовывался впереди, громадный и дымный. Ребекка закончила свой монолог так же внезапно, как и начала, слегка подбадривая лошадь.

– Ну, вот мы и приехали. К воротам в мир призраков и, будем надеяться, подальше от мира живых, но весьма докучливых господ. Пиши, если что. А если не напишешь... что ж, я, пожалуй, тоже начну подумывать о поездке в какое-нибудь гиблое место. Отдохнуть от благ цивилизации.

Глава 2

Сквозь туман

Луиза, с небольшим, но тяжёлым чемоданом, в своём практичном шерстяном костюме и шляпке с невысокой тульей, почувствовала, как её окружает не просто туман, а целое море молочной, ледяной дымки. Последняя лошадь с телегой растворилась в ней, словно никогда и не существовала, оставив лишь приглушённый звук копыт на булыжнике.

Городок казался вымершим. Фасады невысоких домов из тёмного кирпича были слепы, занавешены. Воздух пах угольной пылью, сырой штукатуркой и далёким морем.

«Амбер Отель» возник не сразу. Сперва из пелены выплыли мрачные зубцы парапета и остроконечные фронтоны, потом проступила массивная, давящая громада из серого камня. Его архитектура была тяжеловесной, псевдоготической, памятником самоуверенности какого-нибудь викторианского промышленника. Он не приветствовал, а наблюдал. Холодным, каменным взглядом.

Луиза потуже затянула пальто и заставила себя ступить на подъездную аллею, усыпанную не гравием, а мелким шлаком, скрипевшим под её каблуками с предательской громкостью. Туман цеплялся за чёрные, голые ветви старых вязов, росших по обе стороны.

Массивная дубовая дверь с коваными железными накладками и молотком в виде горгоны поддалась после второго толчка, впустив её в царство полумрака и запахов. Запах старого дома, знакомый и чужой: воск для паркета, пыль на тяжёлых портьерах, тлеющие в камине угли, сладковатый дух увядших цветов в вазе и под ним – тонкая, неуловимая нота затхлости, будто из комнат, наглухо запертых на десятилетия.

Вестибюль был огромен и высок. Газовые рожки под зелёными стеклянными абажурами едва боролись с сумраком, отбрасывая на стены, обтянутые тёмным тиснённым бархатом, дрожащие островки света. Где-то тикали напольные часы, отсчитывая время с неспешной, сонной важностью.

За конторкой из тёмного ореха никого не было. Луиза поставила чемодан и неловко потерла замёрзшие руки в лайковых перчатках. Звук её движения потерялся в гулком пространстве.

– Вы заблудились, мисс?

Голос был сухим, ровным, без тени вопросительной интонации. Он раздался сбоку, откуда вела широкая лестница с резными дубовыми перилами. Луиза вздрогнула.

Женщина, спускавшаяся по ступеням беззвучно, будто скользя, была немолода. Её фигура в строгом платье из чёрного шантунга с высоким воротником и узкими рукавами казалась тенью, оторвавшейся от стены. Лицо бледное, вытянутое, с тонкими губами и седыми волосами, убранными в безупречный гладкий узел на затылке. Но врезались в память глаза – светло-серые, почти водянистые, лишённые всякого тепла. Они осматривали Луизу, её костюм, чемодан, как таможенный инспектор – подозрительный груз.

– Нет. У меня, я полагаю, есть бронь. Луиза Браун.

– Луиза Браун. Да, – женщина произнесла это так, будто сверялась с каким-то внутренним, не очень приятным списком. Она подошла к конторке, её тонкие пальцы в чёрных кружевных митенках раскрыли толстую, кожаную книгу регистраций. – На неделю. «Для уединённых занятий», как указано. Из Лондона.

Она подняла взгляд. В нём на миг вспыхнула та самая холодная усмешка, что бывает у старого слуги, наблюдающего за ошибками нового господина.

– «Амбер» предоставляет уединение в избытке. Порой даже чрезмерном. Гости с *живым воображением*... иногда оказываются к нему не готовы. Начинают слышать шаги в пустых коридорах.

– Мне именно уединение и необходимо, – поспешно ответила Луиза, чувствуя, как под этим аналитическим взглядом её уверенность тает, как воск на жаровне.

– Как вам будет угодно. Я – миссис Элизабет Стерлинг. Я руковожу этим отелем. – Она сделала небольшую, театральную паузу. – Комната для вас готова.

Она не позвонила в колокольчик, не сделала знака горничной. Просто её рука потянулась к стене, где на медных крюках висели ключи – большие, старинные, с массивными бляхами из латуни. Её пальцы, не колеблясь, сняли один, самый дальний, с номером «217». Ключ был тяжёл, почти как дуэльный пистолет. Рукоять, чёрная от времени, была украшена замысловатой, витой резьбой, изображавшей, как показалось Луизе, сплетение змей или корней.

– Номер двести семнадцать. На втором этаже. Лестница – здесь.

Она протянула ключ. Луиза сняла перчатку, чтобы взять его. Прикосновение к холодному, шершавому металлу заставило её слегка передёрнуться.

– Завтрак подают с восьми до десяти в зимнем саду, – отчеканила миссис Стерлинг, её взгляд уже скользнул поверх головы Луизы, в глубину тёмного коридора. – Рекомендую не отклоняться от маршрута. В старых домах легко потеряться.

Это прозвучало не как заботливый совет, а как первое, не терпящее возражений правило этого странного, холодного места.

– Бенсон! – резко, не повышая тона, позвала миссис Стерлинг.

Из-за угла, где терялся в полумраке коридор, появился мальчик лет пятнадцати, в костюме-тройке, слишком большом для его тщедушной фигуры. Лицо его было бледным, глаза бегло и испуганно скользнули по Луизе, прежде чем опустились к паркету.

– Покажи мисс Браун до её номера и отнеси вещи.

Мальчик молча кивнул, шагнул вперёд и потянулся к чемодану. Его пальцы, тонкие и бледные, почти сливались с ручкой из жёлтой кожи. Он поднял ношу, казавшуюся ему неподъёмной, и, сгорбившись, направился к лестнице. Луиза, всё ещё держа в руке холодный ключ, поспешила за ним.

Лестница скрипела под ногами, но скрипела как-то избирательно, будто выдавая только её шаги. Бенсон двигался бесшумно, словно тень. Газовые рожки на стенах второго этажа горели ещё тусклее, отбрасывая дрожащие круги света на стены, обшитые тёмным дубом и украшенные мрачными гравюрами с охотничьими сценами. Воздух здесь был ещё холоднее и *неподвижнее*, пахнул пылью и замшевой старой бумагой.

Мальчик остановился в самом конце коридора, перед массивной дверью из тёмного дерева. Латунная пластинка с цифрами «217» была тусклой, почти чёрной. Он молча поставил чемодан, уставившись на дверную ручку, ожидая.

Луиза вставила ключ в замочную скважину. Механизм сдался не сразу, с громким, сухим щелчком, который гулко отозвался в пустом коридоре. Дверь открылась внутрь с протяжным, жалобным скрипом.

Номер предстал перед ней в сумеречном свете, пробивавшемся сквозь высокое, узкое окно, затянутое кружевной занавеской и массивной портьерой из плюша. Комната была просторной, но обстановка казалась тяжёлой, застывшей во времени: большая кровать с балдахином из тёмного бархата, массивный платяной шкаф с зеркальной дверцей, тускло отражавшей комнату, письменный стол у окна, кресло у камина, в котором тлели жалкие угольки. Обои – тёмно-зелёные, с выцветшим золотым узором – местами отставали от стен. Над камином висела большая, мутная акварель с изображением самого отеля, каким он, вероятно, был в лучшие времена: ярким, с ухоженными газонами, без этого вечного тумана.

– Горячая вода для умывания в кувшине на комод, мисс, – тихо, почти шёпотом, проговорил Бенсон, оставаясь за порогом. – Умывальник – за ширмой. Ночной горшок – под кроватью. Если что потребуется... – он запнулся, сглотнул, – ...звоните в колокольчик. Шнур – у изголовья.

Он кивнул в сторону кровати, где из стены действительно свисал шёлковый шнур с кистью.

– Спасибо, – сказала Луиза.

Мальчик в ответ лишь быстро скользнул взглядом по её лицу, и в его глазах Луиза прочла не служебную почтительность, а что-то другое. Не страх даже, а предостережение. Словно он хотел что-то сказать, но язык не поворачивался.

– Завтрак... – начала Луиза, но Бенсон уже отступил на шаг.

– В зимнем саду, мисс. С восьми. – И он повернулся, чтобы уйти, его ботинки на резиновой подошве не издали ни звука на половике.

– Бенсон, – окликнула она его, неожиданно для себя. Он замер, не оборачиваясь. – Здесь... давно работаешь?

Он медленно обернулся. Его лицо было непроницаемым, маска снова на месте.

– Достаточно, мисс. Всю жизнь.

И он исчез в полумраке коридора, растворившись в нём быстрее, чем того требовала простая прогулка.

Луиза заперла дверь изнутри, повернув ключ дважды. Скрип запора прозвучал удивительно громко и... успокаивающе. Она прислонилась спиной к холодному дереву и закрыла глаза, пытаясь отдышаться.

Тишина в комнате была абсолютной, густой. Не было слышно ни уличного шума, ни звуков из других номеров. Только тиканье собственных карманных часов в сумочке и едва уловимое потрескивание углей в камине. Это была та самая тишина, о которой она так мечтала в шумном Лондоне. Тишина, в которой должны были рождаться слова.

Почему же теперь она ощущала её не как пустое пространство для творчества, а как тяжёлое, давящее одеяло? И почему взгляд этого мальчика, Бенсона, вызывал у неё большее беспокойство, чем ледяная вежливость миссис Стерлинг?

Она подошла к окну, откинула тяжёлую портьеру и попыталась выглянуть. Туман за стеклом был таким же густым, как и прежде. Она едва различала очертания вязов внизу и смутную линию ограды. Мир за пределами «Амбер Отеля» перестал существовать. Остался только он – этот каменный колосс, поглотивший её, и тишина, в которой теперь слышался не зов творчества, а настороженное, выжидательное молчание самого дома.

Луиза отстегнула пражки чемодана. Звук щелчков показался ей неприлично громким, оскорбляющим тишину. Она разложила немногочисленные вещи: пишущие принадлежности на письменный стол, бельё в ящик комода, платья – на вешалку в шкаф. Зеркало в дверце шкафа было старым, со следами амальгамы. Её отражение в нём казалось призрачным, размытым, будто смотрело на неё сквозь толщу воды.

Устроившись, она села на край кровати. Пружины жалобно заскрипели. Теперь она не просто чувствовала усталость от дороги – её охватило полное изнеможение, тяжесть во всех членах, словно воздух в комнате был гуще обычного. Мысли о романе, о кризисе, о пустом листе бумаги пришли туманными и вялыми. Вместо них в голову лезли обрывки материнских рассказов, таких же смутных, как пейзаж за окном: «...ой, Лу, там такие зеркала в холле, в них себя не узнать...», «...а сад! Там была беседка, вся в розах, но пахло почему-то не розами...».

Она встряхнула головой, пытаясь отогнать наваждение. Нужно было действовать, осмотреться, победить этот гнетущий ступор. Луиза подошла к камину. Акварель над ним при ближайшем рассмотрении оказалась ещё мрачнее. Художник (или заказчик) изобразил отель в сумерках, с тёмными, пустыми окнами, а на переднем плане, у фонтана, стояла небольшая

фигурка в светлом платье. Лица разобрать было невозможно, но поза казалась неестественно скованной.

Она потрогала край рамы – пальцы тут же покрылись пылью. Ничего удивительного. Всё здесь дышало *забвением*.

За ширмой из потемневшего дерева и выцветшей шёлковой ткани она обнаружила фаянсовый умывальник и кувшин с водой. Вода, как и предупреждал Бенсон, была едва тёплой. Луиза умыла лицо, и это немного освежило её. Вытираясь грубым полотенцем с вышитой монограммой «А.О.», она вдруг почувствовала чей-то взгляд. Резко обернулась. В комнате, конечно, никого не было. Только её размытое отражение в зеркале шкафа, искажённое и отдалённое.

«Нервы, – строго сказала она себе вслух. Звук собственного голоса в пустой комнате был странным, чужим. – Просто нервы и усталость. Завтра, при свете дня, всё будет иначе».

Она решила осмотреть комнату до конца, чтобы развеять тревогу практическим делом. Заглянула под кровать – там, кроме обещанного фаянсового горшка в деревянном ящике, лежал клубок пыли. Платяной шкаф, кроме её двух платьев, был пуст и пах нафталином. Ящики письменного стола тоже оказались пусты, если не считать пары высохших мух и обрывка старой, пожелтевшей газеты. Луиза развернула его. Дата стёрлась, но в заметке, рассказывавшей о благотворительном базаре в пользу приюта, среди прочих фамилий мелькнула знакомая: «...а также супруги Стерлинг оказали щедрую поддержку...». Рядом с текстом был нечёткий штамп типографии, похожий на маленький, стилизованный янтарный слиток.

Она бросила обрывок обратно в ящик и закрыла его. Внезапный стук в дверь заставил её вздрогнуть всем телом.

– Кто там? – сорвавшимся голосом спросила она.

– Это Бенсон, мисс. Принёс графин с водой.

Луиза вздохнула с облегчением и, поправив волосы, открыла дверь. Мальчик стоял с оловянным графином и стаканом на жестяном подносе. Он вошёл, поставил поднос на комод, и снова его взгляд беспокойно забегал по комнате, будто проверяя, всё ли на месте.

– Спасибо, – сказала Луиза. – Скажи, Бенсон... здесь сейчас много постояльцев?

Он замер, уставившись на графин.

– Нет, мисс. Мало. Сезон плохой. Туман.

– А миссис Стерлинг... она всегда такая? – Луиза не удержалась.

Бенсон медленно поднял на неё глаза. В них не было испуга, только глубокая, усталая покорность.

– Миссис Стерлинг следит за порядком. За старым порядком. – Он сделал паузу, словно подбирал слова. – Ей не нравятся... беспокойные гости. Те, кто задают много вопросов.

Он произнёс это так, будто это было не предупреждение, а констатация непреложного закона природы, вроде того, что вода мокрая, а огонь жётся.

– Я поняла, – тихо сказала Луиза.

Мальчик кивнул и снова направился к двери. На пороге он обернулся.

– Дверь на ночь запирайте, мисс. Ключ поворачивайте до упора. И... если услышите что-то в коридоре... лучше не смотреть.

– Что я могу услышать? – спросила она, но Бенсон уже вышел, бесшумно прикрыв за собой дверь.

Луиза снова заперлась. Предупреждение мальчика висело в воздухе комнаты, смешиваясь с запахом пыли и старой древесины. Она подошла к окну. Сумерки сгущались, превращая туман за стеклом в сплошную чёрную стену. Внизу, в глубоких сумерках, у самого фундамента, ей показалось, мелькнул огонёк – крошечный, желтоватый, будто от свечи или керосиновой лампы. Он проплыл и исчез, словно его и не было.

Она отдернула руку от холодного стекла. На сердце было тяжело и тревожно. «Амбер Отель» принимал её. Но гостеприимством это не пахло. Скорее, терпеливым, многолетним *ожиданием*.

Глава 3

Ключ от двери в никуда

Вечер опустился на «Амбер ОТЕЛЬ» быстро и бесшумно, как чёрная бархатная портьера. Туман, казалось, вобрал в себя последние отсветы дня, и теперь за окном царил непроглядная, густая тьма. В комнате стало холодно, несмотря на тлеющие в камине угли. Луиза зажгла настольную лампу с зелёным стеклянным абажуром; свет получился приглушённым, болотным, отбрасывающим длинные, пляшущие тени в углах.

Она сидела за письменным столом, перед чистым листом бумаги, но пальцы не слушались. Вместо слов в голове кружились обрывки разговоров: ледяной голос миссис Стерлинг, испуганный шёпот Бенсона, смутные воспоминания матери. И этот ключ. Он лежал рядом с чернильницей, тяжёлый, инертный кусок металла, но будто излучающий собственный, негаснущий холод.

Луиза взяла его в руки, повертела, пытаясь разглядеть детали резьбы при тусклом свете лампы. То, что она приняла за сплетение змей или корней, при ближайшем рассмотрении оказалось ещё более странным. Это была абстрактная, запутанная вязь, состоящая из плавных изгибов и острых углов, напоминающая то ли замысловатую монограмму, то ли алхимический символ. В самом центре рукояти, в месте, где обычно помещался герб или инициал, было вырезано крошечное, но отчётливое углубление в форме слезы... или капли. Янтарной капли.

Она провела пальцем по резьбе. Шероховатости и выемки складывались в какой-то неуловимый, почти гипнотический узор. От этого предмета веяло не просто стариной, а глубокой, забытой тайной. Казалось невероятным, что такая вещь – предмет искусства, почти реликвия – служила обычным ключом от гостиничного номера.

Внезапно её пальцы нащупали едва заметную неровность на обратной стороне бляхи. Луиза перевернула ключ. Под слоем потускневшего лака и патины времени на металле проступили тончайшие гравированные буквы. Она поднесла ключ прямо к лампе, щурясь. Буквы были старомодные, вычурные.

Ad Lucem per Umbras.

Латынь. Она знала её поверхностно, но фраза отозвалась в памяти смутной ассоциацией. «К свету через тени»? Или «через тени к свету»? Девиз? Надпись на фамильном гербе? Но какое отношение он имел к номеру в заштатном отеле?

И тут она вспомнила. Не саму фразу, а контекст. Мать, рассказывая о своей единственной поездке сюда, в молодости, обмолвилась об «ужасно пафосных хозяевах», у которых даже ключи были «как у папских дворцов, с какими-то девизами». Луиза тогда не придавала этому значения – мать часто приукрашивала истории для большей эффектности. Но теперь эта деталь, материнское воспоминание и холодный металл в её руке, сплелись воедино, превратив ключ из простого предмета в вещественное доказательство. Мать действительно была здесь. И этот ключ, возможно, она тоже держала в руках.

От этого открытия стало одновременно жутко и захватывающе. Страх отступил, уступив место жгучему, почти детективному любопытству. Кризис идей, мучивший её неделями, вдруг показался мелкой, бытовой проблемой на фоне этой реальной загадки. Она пришла сюда за тишиной, а нашла нечто гораздо *большее*.

Луиза положила ключ и потянулась к сумочке. Там, среди прочих мелочей, лежала потрепанная записная книжка матери – та самая, где та иногда набрасывала идеи для рассказов. Луиза перелистала страницы, покрытые знакомым стремительным почерком. Стихи, списки

покупок, наброски диалогов... И вот, почти в самом конце, на чистом листе, обведённая в рамочку, та самая фраза: *Ad Lucem per Umbras*. А под ней, карандашом, уже её, материной, рукой: «К свету через тьму? Или в тьму, маскирующуюся под свет? Запутанная семейка. Их отель. Их правила. Их тени».

Сердце Луизы гулко стукнуло. Мать не просто была здесь. Она что-то поняла. Что-то, что заставило её записать эти странные, тревожные слова.

Луиза подняла взгляд и встретила с собственным отражением в тёмном окне. За её спиной, в зыбком круге лампового света, комната казалась островком в океане ночи и тумана. А ключ лежал на столе, как приглашение. Приглашение куда? К свету? Или в самую *густую из теней*?

Она встала и подошла к двери. Приложила к ней ладонь. Дерево было холодным и абсолютно непроницаемым. Дверь вела в коридор, в отель, в мир миссис Стерлинг и тихого Бенсона. Но с этим ключом в руке она чувствовала, что дверь эта – не просто выход из комнаты. Это портал. Портал в историю, которую не дописала её мать. И теперь, кажется, *очередь была за ней*.

Она вернулась к столу, взяла перо, обмакнула его в чернила. Чистый лист бумаги больше не пугал. Он ждал. И первая строчка, выведенная твёрдым, решительным почерком, была не первой главой её нового романа, а заголовком:

«Дело об «Амбер Отеле». Заметки и наблюдения. Начало».

Ключ от номера 217 теперь был ключом не только от двери. Он стал ключом к молчанию.

Запись заголовка прозвучала в тишине комнаты почти кощунственно громко. Перо скрипело по бумаге, и этот привычный звук вдруг показался Луизе дерзким вызовом гнетущей тишине отеля. Она замерла, прислушиваясь, не отзовется ли дом, не постучится ли кто в дверь, возмущённый этой вспышкой жизни.

Но ответила лишь абсолютная *тишина*, ставшая от этого ещё плотнее.

Луиза сделала первую запись, описав дорогу, встречу с миссис Стерлинг, тяжёлый ключ. Слова текли легко, будто пробка, затыкавшая её творческий родник, была наконец выдернута. Но это был не поток художественного вымысла, а холодный, чёткий отчёт. Каждая деталь обретала значение: взгляд управляющей, испуг Бенсона, странная резьба на ключе, совпадение с материнскими записями.

«Они не просто не хотят беспокойных гостей, – выводила она, – они хотят гостей слепых и глухих. Гости, которые не задают вопросов. Мать задавала вопросы. Что с ней случилось потом?»

От этого вопроса по коже пробежали мурашки. Она отложила перо и снова взяла ключ. Фраза *Ad Lucem per Umbras* теперь казалась не пафосным девизом, а скрытой угрозой или насмешкой. «К свету через тени». А что, если свет – это иллюзия, а тени – единственная реальность того места?

Её внимание привлекло собственное отражение в зеркале шкафа. Она сидела спиной к нему, но уголком глаза уловила движение. Медленно, стараясь не шуметь, Луиза повернула голову. В мутном стекле её фигура была искажена, но... позади неё, в глубине отражённой комнаты, у двери, будто стояла ещё одна тень. Нечёткая, размытая, чуть темнее общего фона.

Сердце ёкнуло. Луиза резко обернулась.

Комната была пуста. Дверь заперта. Только портьеры у окна колыхались от сквозняка, которого, казалось, не было.

«Воображение, – прошептала она себе. – Только воображение и тени от лампы».

Но вернуться к записям уже не получалось. Напряжение висело в воздухе, как перед грозой. Она встала и подошла к двери, приложила ухо к холодному дереву. Ни звука. Ни шагов, ни шёпота. Только собственное неровное дыхание.

И тут её взгляд упал на щель под дверью. Из коридора в комнату струился не свет (в коридоре, судя по всему, было темно), а... туман. Тонкая, ползучая дымка, бледная и холодная, медленно вползала в комнату и таяла на половике.

Туман внутри отеля.

Луиза отшатнулась от двери. Все рациональные объяснения – сквозняк, перепад температуры – разбились о простой, леденящий факт: в хорошо протопленном, замкнутом помещении туману неоткуда взяться. Разве что он просачивается из щелей в самом здании. Или из чего-то другого.

Она бросилась к окну, отдернула портьеру. Ночь была чёрной, бездонной. Ни огней, ни луны. Окно было плотно закрыто, зазоров не было. Значит, не снаружи.

Вернувшись к двери, она увидела, что тонкая струйка тумана всё ещё тянется из-под неё. Беззвучно. Неумолимо.

Паника, холодная и острая, сжала ей горло. Она оглянулась на ключ, лежащий на столе. Ключ от этой комнаты. От этой двери. От этого... что бы это ни было.

Запершись здесь, она чувствовала себя не в безопасности, а в ловушке. Отель знал, что она здесь. Отель впустил её. А теперь начиналось что-то другое.

С глухим стуком она уронила засов на дверь – массивную, старомодную щеколду, которую не сразу заметила. Звук металла о дерево прозвучал обнадёживающе твердо. Затем она схватила ключ и, руки дрожали, вставила его в замочную скважину изнутри. Повернула до характерного тяжёлого щелчка. Два замка. Два барьера между ней и тем, что было снаружи.

Туман под дверью, казалось, на мгновение отступил. Или ей просто показалось.

Луиза отползла к кровати, прижала спиной резную спинку. В одной руке она сжимала ключ так, что края резьбы впивались в ладонь. В другой – перо, бесполезное теперь оружие. Ламповый свет вдруг казался жалким, умирающим островком, который вот-вот поглотит мгла.

Она сидела так, не двигаясь, прислушиваясь к тишине, которая больше не была пустой. В ней теперь ощущалось присутствие. Ожидание. Тихий, неторопливый вдох и выдох самого «Амбер Отеля». И она понимала, что её «творческое уединение» только что закончилось. Началось что-то иное. Расследование. Выживание. И первая ночь в номере 217 была лишь прологом.

Вскоре, Луиза уснула сама того не замечая.

А в комнату зашла темная тень. На губах виднелась красная помада, а блестящие белые локоны отражали блик от лампы, которую несла тень. Тень склонилась над Луизой, и на губах проиграла ухмылка.

Много ли скрывала эта улыбка?

Глава 4

Комната-призрак

Острый приступ паники, как это часто бывает, не продлился долго. Он отступил, оставив после себя странную, почти болезненную пустоту и леденящую усталость. Луиза сидела, прижавшись к спинке кровати, пока дрожь в руках не утихла, а дыхание не выровнялось. Ключ, всё ещё впивавшийся в ладонь, казался теперь просто куском холодного металла, а не магическим артефактом. Туман под дверью рассеялся, будто его и не было – может, и правда показалось в полумраке и на взвинченных нервах.

«Идиотка, – с горькой усмешкой подумала она. – Приехала писать готический роман и начала видеть призраков в первом же тумане».

Она встала, ноги были ватными. Подошла к столу. Ламповый свет теперь казался не враждебным, а уютным. Чистый лист с заголовком «Дело об «Амбер Отеле» лежал рядом с записной книжкой матери. Луиза медленно сложила лист и сунула его между страницами книги. Не сейчас. Слишком сыро, слишком темно для исследований.

Но деваться было некуда. Лечь спать в этом состоянии оказалось выше её сил. Она опустилась на стул, машинально поправила лист чистой бумаги, обмакнула перо... и замерла.

Не было обычной борьбы с пустотой. Не было отчаяния от немеющих пальцев и упрямо пустой головы. Вместо этого в сознании, будто из-за открытой где-то далеко шлюзовой двери, хлынул поток.

Не факты. Не отчёт. *Образы.*

Тяжёлый запах увядающих роз в душной беседке. Шорох шёлкового платья по каменным ступеням. Ощущение холодного, как мрамор, взгляда в спину. Звон хрустального бокала, в котором играет тёмно-рубиновое вино. Смех – высокий, серебряный, но с трещинкой, как у старой фарфоровой куклы. И зеркала. Множество зеркал, в которых отражаются не лица, а лишь ускользающие тени, искажённые пламя свечей.

Перо заскользило по бумаге само собой, почти без участия её воли. Слова складывались в предложения, предложения – в абзацы. Это был не её стиль. Он был более витиеватым, чуть старомодным, насыщенным деталями, которых она обычно избегала. Героиня – не она, а молодая женщина в платье цвета опавшей листвы, приехавшая в гости к дальним родственникам в их мрачный особняк. Она бродила по запущенному саду, и каждый поворот аллеи, каждый взгляд статуи был ей знаком, будто она видела это во сне. Или в прошлой жизни.

«Маргарет остановилась у чёрного пруда. Вода была неподвижна и темна, как полированный обсидиан. Она знала, что нужно сделать. Не думая, протянула руку и коснулась поверхности. Холод пронзил её до самого сердца, но это был не холод воды. Это было воспоминание. Чужое воспоминание. В глубине, под отражением скелетастых ветвей, мелькнуло бледное лицо с широко открытыми, немymi от ужаса глазами. Её глазами? Нет. Но связь была тоньше паутины и крепче стали...»

Луиза оторвалась от бумаги, задыхаясь. Ладонь, сжимавшая перо, вспотела. Она написала страницу. Целую, живую, дышащую страницу текста, которого не было ещё два часа назад. Творческий блок не просто исчез – его будто снесло цунами вдохновения, пришедшим из ниоткуда. Или из очень конкретного, очень тёмного места.

Она оглядела комнату. Всё было на своих местах. Кровать, шкаф, акварель над камином. Но теперь она чувствовала комнату иначе. Углубление в резьбе на ключе-«слеза» – теперь она представляла, как такая же «слеза» могла скатиться по щеке той девушки из её наброска. Тёмно-зелёные обои с золотом – точь-в-точь как цвет платья её воображаемой Маргарет. Это

было дежавю, но не личное. Это было сюжетное дежавю. Как будто история уже была написана кем-то другим, а теперь проступала сквозь неё, как старые обои сквозь свежую штукатурку.

И связь. Необъяснимая, костная связь. Она была не гостьей здесь. Она была... продолжательницей. Наследницей.

От этой мысли стало не по себе, но уже не от слепого страха, а от леденящего, трезвого осознания. Отель давал ей слова. Обещал истории. Но какую цену он за них попросит? Цену, которую, возможно, уже заплатила её мать?

Луиза аккуратно отложила перо. Поток слов схлынул так же внезапно, как и начался, оставив после себя приятную, но опасную истому. Она взглянула на исписанную страницу. Это было хорошо. Очень хорошо. Лучшее, что она писала за последние годы.

Она потушила лампу и легла в кровать, не раздеваясь. В темноте комната снова задышала, наполнилась невидимыми жизнями. Но теперь это не пугало. Это манило. Запертая дверь казалась не барьером, а границей, отделяющей её от кладезя сюжетов, ждущих, чтобы их вытащили на свет.

Ad Lucem per Umbras. К свету через тени.

«Ладно, – прошептала она в темноту, обращаясь к дому, к тени матери, к самой себе. – Покажи мне свои тени. А я попробую сделать из них свет».

И закрыла глаза, уже слыша отдалённый, едва уловимый шепот новых сюжетов в рокоте собственной крови. Блок исчез. Осада творчества началась. И гарнизон её сознания уже готовился капитулировать.

Луиза проснулась от резкого, пронзительного звука – где-то далеко, в глубине дома, пробили часы. Медные удары, густые и тяжёлые, отсчитали шесть раз. Рассвет ещё не наступил, но чёрная темень за окном начала разбавляться до густо-сизого, туманного мрака.

Она лежала неподвижно, прислушиваясь. Тишина после боя часов казалась ещё громче. Но это была иная тишина, чем вчерашняя – не давящая, а выжидательная. Наполненная... возможностью. В голове, прояснённой коротким сном, уже роились новые фразы, образы, обрывки диалогов для её героини Маргарет. Творческий энтузиазм, странный и чуждый после месяцев ступора, слабо теплился в груди, как угольки в камине.

Она встала, подошла к столу. При свете медленно наступающего утра исписанная страница выглядела почти мистически. Чёткие, уверенные строки, рождённые вчерашним порывом, казались доказательством. Доказательством того, что она не сошла с ума. Что этот дом давал.

Луиза умылась ледяной водой из кувшина – это окончательно прогнало остатки сна. Она переоделась в свежее платье, и, взяв ключ, вышла в коридор, твёрдо намереваясь спуститься к завтраку.

Коридор был пуст и погружён в предрассветный полумрак. Газовые рожки не горели. Воздух пах замёрзшей пылью. Её шаги гулко отдавались в тишине, и она невольно вспомнила слова Бенсона: «...если услышите что-то в коридоре...». Но сейчас она сама была этим «чем-то», нарушающим сонное царствование отеля.

Спускаясь по широкой лестнице, она снова обратила внимание на гравюры. Теперь, при тусклом свете, они казались ещё мрачнее: собаки, терзающие оленя, сокольников с пустыми глазами, охота на кабана, больше похожая на бойню. Искусство, воспевающее не азарт, а холодную жестокость.

Зимний сад оказался огромной застеклённой галереей, пристроенной к заднему фасаду. Но «зимним» он был не только по названию. Сквозь грязные стёкла едва пробивался свет, внутри царил сырой, промозглый холод. Растения в кадках и горшках были не экзотическими, а чахлыми, полумёртвыми – папоротники с побуревшими листьями, какие-то вяющие рас-

тения, похожие на скопление сухих нервов, пара пальм с пожелтевшими, обвисшими кронами. Запах стоял тяжёлый – сырой земли, гнили и стоячей воды.

Посреди этого уныния стояли три столика. За одним, у дальней стены, сидела миссис Стерлинг. Она была одна. Перед ней стояла пустая фарфоровая чашка и тарелка с недоеденным куском тоста. Она не читала, не смотрела в окно. Просто сидела, выпрямив спину, и смотрела перед собой в пустоту, её бледное лицо в этом свете казалось восковой маской. Увидев Луизу, она не проявила ни удивления, ни приветствия. Лишь слегка повернула голову, и её водянистые глаза зафиксировались на госте, как штыки.

– Доброе утро, миссис Стерлинг, – поздоровалась Луиза, стараясь звучать естественно.

– Утро, – бесцветно подтвердила та. – Надеюсь, вы провели спокойную ночь. Номер 217 вас не беспокоил?

Вопрос был задан слишком прямо, чтобы быть просто вежливостью.

– Вполне спокойно, – соврала Луиза. – Очень тихо.

На губах миссис Стерлинг дрогнуло что-то, похожее на намёк усмешки.

– Рада слышать. Иногда он бывает... разговорчив. Для тех, кто умеет слушать. Бенсон!

Мальчик, словно вырастающий из-за огромного кадка с сухолюбом, появился так же внезапно, как и вчера. На нём был тот же великоватый костюм.

– Подай завтрак для мисс Браун. Стандартный набор.

Бенсон исчез и вернулся с подносом: слабый чай, кусок чёрствого хлеба, крошечный кусочек масла и два варёных яйца, уже остывших. Пища аскетов или узников.

Луиза выбрала столик подальше от управляющей, но чувствовала её взгляд на себе. Она заставила себя есть, хотя есть не хотелось. Тишина становилась невыносимой.

– Вы давно управляете отелем, миссис Стерлинг? – спросила Луиза, ломая молчание.

– Достаточно долго, чтобы считать его своим, – последовал уклончивый ответ. – «Амбер» это не бизнес. Это наследие.

– Наследие вашей семьи?

Водянистые глаза сузились.

– В некотором роде. Мы все – его хранители. Те, кто понимает его истинную ценность.

– Она отпила из уже пустой чашки, чисто символически. – А вы, мисс Браун? Вы приехали за вдохновением. Находите?

Луиза вспомнила вчерашний поток слов.

– Пока – да. Место... обладает характером.

– Характером, – миссис Стерлинг повторила слово, растягивая его, будто пробуя на вкус.

– Да. Он имеет характер. И память. Долгую память. Он помнит каждого гостя. Особенно тех, кто пытается заглянуть слишком глубоко. Или написать слишком много.

Ледяной укол пробил Луизу насквозь. Это было уже не предупреждение. Это был выстрел навывлет. Управляющая знала. Знала, что она пишет. Чувствовала это.

В этот момент из глубины отеля донёсся приглушённый, но отчётливый звук – тяжёлый, глухой удар, будто упала массивная дверь или что-то большое и мягкое. Миссис Стерлинг даже не повернула голову. Только её пальцы слегка сжали край стола, костяшки побелели.

– Ремонт, – сказала она ровным голосом, отвечая на немой вопрос Луизы. – В западном крыле. Вечно что-то. Старые дома. – Она поднялась. – Приятного аппетита, мисс Браун. Не стесняйтесь гулять по саду. Только будьте осторожны. Местами грунт неустойчив.

И она вышла из зимнего сада, её тёмная фигура растворилась в сумраке коридора.

Луиза выдохнула. Руки у неё дрожали. Она отпила чаю – он был горьким и холодным. Бенсон, словно тень, возник, чтобы забрать поднос миссис Стерлинг. Он бросил быстрый

взгляд на Луизу, и в его глазах снова мелькнуло то самое предостережение, смешанное с жалостью.

– Бенсон, – тихо позвала она. – Что это был за звук?

Мальчик замер.

– Старые трубы, мисс. – Его голос был безжизненным, заученным. – Или ветер. В «Амбере» часто слышатся звуки. Лучше не обращать внимания.

Он скрылся с подносом, оставив Луизу одну в компании мёртвых растений и давящего чувства, что за ней наблюдают не только люди. Сам дом смотрел на неё через грязные стёкла, через покоробленные половицы, через облупившуюся штукатурку. И, кажется, остался доволен тем, что увидел: не испуганную девушку, а писательницу, в которой проснулся голод. Голод, который «Амбер» мог утолить. За определённую плату.

Она вернулась в номер 217. Ключ снова щёлкнул в замке. В комнате пахло её вчерашними духами, чернилами и стариной. Она села за стол, и едва открыла тетрадь, как слова снова хлынули на неё, как волна, смывая остатки страха и сомнений. Маргарет в её истории тоже слышала странные звуки в особняке. И тоже решала их игнорировать, увлечённая раскрытием тайны прошлого.

Луиза писала. Она писала, пока пальцы не заныли, а за окном серый свет не сменился таким же серым днём. Она была проводником. Каналом. Комната 217 была не тюрьмой. Она была коконом. И что бы ни пряталось за его стенами, оно щедро кормило её историями, чтобы она оставалась внутри. Добровольно.

День потянулся, выцветший и безликий, как туман за окном. Луиза писала, делала паузы, снова писала. Текст рос пугающими темпами. Героиня Маргарет всё глубже погружалась в тайны особняка «Чёрный Пруд», находила спрятанные письма, расшифровывала намёки в разговорах родственников, по ночам слышала плач из закрытого крыла. Сюжет был увлекательным, жутковатым, но Луизу всё больше беспокоило не это. Её беспокоила уверенность, с которой она его выписывала. Как будто не сочиняла, а вспоминала. Она знала, что в потайной нише за портретом основателя рода будет лежать не дневник, а смятая перчатка с вышитой на внутренней стороне той самой фразой – *Ad Lucem per Umbras*. Она знала, что садовая беседка, где героиня назначала тайные встречи, была увита не розами, а ядовитым плющом, вызывающим странные сны. Эти детали возникали в сознании готовыми, как откровения.

Однажды, описав сцену, где Маргарет находит старую детскую куклу с одним стеклянным глазом, спрятанную в дымоходе, Луиза оторвалась от бумаги с леденящим чувством. Она подошла к камину в своей комнате и, почти не раздумывая, запустила руку в сажу. Холодная, жирная копоть покрыла пальцы. Ничего, конечно, не было. Но ощущение, что должна была быть, оказалось таким сильным, что её стошнило. Она отползла к умывальнику, отдышалась, смывая чёрную грязь.

Это было уже не вдохновение. Это было одержимость. И отель поощрял её, подкармливая всё новыми порциями мрачной поэзии.

К вечеру голова гудела от переизбытка образов. Нужно было вырваться из этого плена, пусть даже на полчаса. Она решила последовать совету миссис Стерлинг и выйти в сад, несмотря на непогоду.

Надев пальто и шляпку, она спустилась в холл. За конторкой никого не было. Тиканье часов казалось теперь не сонным, а зловещим – отсчёт времени, проведённого в ловушке. Она вышла через боковую дверь, которая вела на террасу.

Сад «Амбер Отеля» был царством запустения. Скелеты деревьев простирали к свинцовому небу чёрные, скрюченные ветви. Дорожки, посыпанные тем же шлаком, что и подъездная аллея, терялись в зарослях бурьяна и мёртвого шиповника. В центре, как и на акварели в её комнате, стоял фонтан – чаша, оплетённая каменными щупальцами какого-то морского

чудовища, наполненная чёрной, стоячей водой и гниющими листьями. Запах был тяжёлый и сладкий – разложение, смешанное с влажной землёй.

Луиза шла медленно, гравий хрустел под каблуками. Туман цеплялся за одежду, лепился к лицу. Она дошла до беседки – не изящной, а массивной, каменной, похожей на маленькую гробницу. И действительно, как она и «знала», её оплетали не розы, а густые заросли плюща, уже почерневшего от холода.

Она собиралась уже повернуть назад, как вдруг её взгляд упал на землю у основания одной из колонн беседки. Что-то блеснуло тускло в сером свете. Луиза наклонилась, раздвинула мокрые стебли плюща. В земле, почти вросшая в неё, лежала маленькая фарфоровая рука. Рука куклы. Грязная, с отколотым мизинцем, но с тщательно выписанными ногтями и складками на крошечных фалангах.

Луиза замерла. Ледяной ком подкатил к горлу. Она описала эту деталь всего пару часов назад. И вот она здесь. Реальная. Осязаемая. Её пальцы сами потянулись к находке, но она отдёргнула руку, будто обожглась.

Это было невозможно. Совпадение? Но совпадения такой точности не бывают. Значит, она видела эту руку раньше? Может, мельком заметила вчера и забыла, а мозг выдал это как творческую находку? Звучало безумно, но было хоть каким-то объяснением.

Она выпрямилась и резко обернулась. На мгновение ей показалось, что в одном из верхних окон отеля, том самом, что могло принадлежать её комнате или соседней, мелькнула тень. Чьё-то лицо, прижатое к стеклу. Но окно было слишком далеко, а туман слишком густ, чтобы разглядеть что-то точно.

Сердце бешено колотилось. Сюжеты сюжетами, но когда вымысел начинает материализовываться в прогулках по саду – это уже не творчество. Это симптом. Опасный симптом.

Она почти побежала назад к отелю. Ноги скользили по мокрому гравию. Задышавшись, она ворвалась в вестибюль. Там, у камина, в кресле, сидел человек. Не миссис Стерлинг и не Бенсон. Высокий мужчина в дорогом, но старомодном костюме, с тростью, прислонённой к ручке кресла. Он читал газету, и при её появлении медленно её опустил.

Его лицо было худым, аристократичным, с высоким лбом и пронзительными глазами неопределённого светлого цвета – серо-голубых, как зимнее небо. Но холодными. Необычайно холодными и внимательными. Он смотрел на неё так, будто не просто видел взволнованную девушку, а сканировал её, оценивая каждый вздрагивающий мускул на её лице.

– Простите за беспокойство, – автоматически выпалила Луиза, пытаясь взять себя в руки.

– Никакого беспокойства, – ответил мужчина. Голос у него был низкий, бархатистый, но лишённый тепла. Как звук, идущий из глубокого колодца. – Вы, должно быть, новый гость. Луиза Браун, если не ошибаюсь?

Она кивнула, не в силах произнести ни слова. От него исходила аура абсолютного, ледящего контроля.

– Константин Михайлович, – представился он, слегка склонив голову. – Владелец этого заведения. Надеюсь, миссис Стерлинг и персонал обеспечивают вам всё необходимое?

Владелец. Материнские записи вспыхнули в памяти: «...человек с глазами льда...». Это был он.

– Всё... всё прекрасно, – прошептала Луиза.

– Рад слышать. «Амбер» – место особенное. Он помогает творческим натурам раскрыться. Но требует взамен... сосредоточенности. – Он улыбнулся. Улыбка не коснулась его глаз. – Не стоит слишком отвлекаться на внешний мир. Сад, например, в это время года... коварен. Легко споткнуться. Или набрести на что-то, что лучше бы оставалось забытым.

Его взгляд скользнул по её испачканной землёй перчатке. Он знал. Знает, что она нашла.

– Я... я пойду в свой номер, – сказала Луиза, чувствуя, как под этим взглядом её воля тает, как воск.

– Конечно. Творите, мисс Браун. – Он снова поднял газету, отрезав себя от неё этим жестом. – Ваш труд, я уверен, будет бесценен.

Луиза почти бегом поднялась по лестнице. В коридоре второго этажа было пусто и темно. Она вставила ключ в замок 217-го номера, её руки тряслись. Дверь открылась, и она ввалилась внутрь, захлопнув её за собой.

Она прислонилась спиной к дереву, закрыв глаза. В ушах стоял бархатный голос Константина Михайловича. В кармане пальто, будто раскалённый уголёк, лежала та самая фарфоровая рука. Она не помнила, как подняла её. Но она была там.

Комната ждала. Стол, заваленный исписанными листами. История, требовавшая продолжения. И теперь она понимала истинную природу своей «связи» с этим местом. Это не было вдохновение. Это был симбиоз. Отель кормил её своими кошмарами, а она, Луиза, аккуратно переписывала их, делая удобоваримыми. Она была не автором. Она была переписчиком. Секретарём призраков «Амбер Отеля». И владелец, человек с глазами льда, только что дал ей понять, что её работа его устраивает. И что с этой работы – не сойти.

Луиза стояла, прислонившись спиной к холодной двери номера 217, и пыталась отдышаться. Всё её тело дрожало – от холода, от страха, от осознания. В кармане пальто фарфоровая рука куклы лежала, как обвинение. Встреча с Константином Михайловичем в холле отпечатавалась в сознании леденящим штаммом: его бархатный, безжизненный голос, пронзительный холод глаз, сама его фигура – воплощение бездушной, древней власти. Это была не случайность. Рука в саду, его слова... Отель не просто вдохновлял. Он управлял. Он подбрасывал ей детали, а она, как послушный медиум, вплетала их в свой текст, думая, что это её собственное гениальное озарение. Она была не писательницей, а инструментом. Переписчиком. И владелец, этот «человек с глазами льда», только что дал понять, что её работа ценится. И что от неё ожидают продолжения.

Она подошла к столу. Исписанные листы лежали стопкой. История Маргарет и особняка «Чёрный Пруд» была увлекательной, жуткой... и абсолютно чужой. Луиза взяла верхний лист. Её собственный почерк смотрел на неё, но слова словно принадлежали кому-то другому. Какому-то призраку, обитавшему в стенах «Амбер Отеля», который использовал её руку, чтобы рассказать свою старую, закопанную боль.

Желание писать, ещё несколько часов назад такое властное и желанное, теперь вызывало тошноту. Но вместе с тошнотой пришло и другое чувство – острый, холодный гнев. Гнев на себя, за слепоту. Гнев на этот дом и его хозяев, которые играли с ней, как кошка с мышкой.

Она не выдернула ключ из замка. Не стала его ломать или выбрасывать в окно. Вместо этого она аккуратно положила его на стол, рядом со стопкой исписанной бумаги. Пусть лежит. Пусть видит.

Потом она подошла к чемодану и достала маленький, но крепкий перочинный нож, который всегда брала в поездки. Лезвие блеснуло в тусклом свете. Это не было оружием для атаки. Это был инструмент для защиты. Для отметки.

Она вернулась к столу, взяла чистый лист и крупными, решительными буквами написала: «ЭТО НЕ МОЁ». Потом сложила лист и спрятала его на самое дно своей сумочки, под зеркальце и носовой платок. Талисман реальности. Напоминание.

Затем она подошла к двери и снова заперла её на ключ и засов. Но на этот раз не из страха перед тем, что снаружи. А для того, чтобы создать плацдарм. Номер 217 был её клеткой, но теперь она решила превратить его в кабинет следователя. Она больше не будет слепо принимать дары этого места. Она будет их изучать. Каждая строчка, которую она напишет отсюда, будет не романом, а расшифровкой. Каждый «творческий порыв» – ключом к пониманию того, что за сила держит её здесь и что она сделала с её матерью. Луиза потушила лампу и легла в

кровать, не раздеваясь. В темноте комната снова задышала, наполнилась шепотом обещаний и угроз. Но теперь она слушала его не с открытой душой гостыи, а с напряжённым вниманием охотника. Или жертвы, решившей изучить повадки хищника, прежде чем он нанесёт решающий удар. *Ad Lucem per Umbras*. «К свету через тени». Возможно. Но сначала нужно было разобраться в природе этих теней. И Луиза Браун, переставшая быть просто писательницей, но ещё не понимавшая, кем она стала, приготовилась к этому путешествию. Первая ночь страха закончилась. Начиналась первая ночь сопротивления.

Глава 5

Первая трещина

Ночь в «Амбер Отеле» наступила не как естественная смена дня, а как падение тяжёлого, бархатного занавеса. Туман за окном слился с темнотой, превратив стекло в чёрное, непроницаемое зеркало. Луиза лежала на кровати, прислушиваясь. Но теперь она слушала не в поисках вдохновения, а как солдат в окопе – выискивая в тишине признаки угрозы.

Внутри неё боролись два чувства. Первое – инстинктивный, животный страх, требующий немедленно собрать вещи, выломать дверь и бежать прочь в ночную мглу. Второе – холодная, почти безумная решимость. Она зацепилась за этот островок ярости и подозрения, как за спасательный круг. Они что-то скрывали. Что-то сделали с матерью. И использовали её, Луизу, как пассивного соучастника, заставив переписывать их старые кошмары. Бегство означало поражение. Оно означало, что материнская история так и останется погребённой здесь, а она сама навсегда останется напуганной девочкой, сбежавшей от теней.

Но остаться значило играть в их игру. Игру, правила которой она не знала.

Она не зажигала лампы. Свет делал её мишенью, уязвимой. В темноте же она могла притвориться спящей, невидящей, пока сама наблюдала. И комната в темноте была другой – лишённой уютных деталей, состоящей лишь из смутных, угрожающих масс: чёрный прямоугольник окна, более тёмное пятно камина, высокий, колонн подобный силуэт шкафа.

Первые несколько часов прошли в напряжённом, изматывающем ожидании. Но ничего не происходило. Только ветер, которого днём не было, завыл где-то в трубах, издавая звук, похожий на далёкий, протяжный стон.

Луиза начала дремать, её веки слипались от усталости и нервного истощения. Она боролась со сном, но волна непроизвольного забытья накатывала всё сильнее.

И вот, в той самой грани между сном и явью, она услышала.

Это не был ветер. Это были шаги. Чёткие, размеренные, тяжёлые шаги по коридору за дверью. Не спешащие, не крадущиеся. Идущие с неумолимой, почти ритуальной уверенностью. Тук. Тук. Тук. Каблуки (или нечто, похожее на каблуки) отбивали такт по старому паркету.

Сердце Луизы замерло, потом заколотилось так, что ей показалось, его стук слышно по всему помещению. Она зажмурилась, силясь определить направление. Шаги приближались. Прошли мимо её двери. Не остановились. Стали удаляться. Тук... тук... тук...

Она выдохнула, не осознавая, что затаила дыхание. Воображение. Конечно, воображение. Или другой постоялец, возвращающийся поздно...

Но шаги в конце коридора не смолкли. Они развернулись. И снова послышались. Теперь – по направлению к её двери. Немного быстрее. Твёрже.

Луиза приподнялась на локте, уставившись в темноту туда, где должна была быть дверь. Шаги подошли вплотную. И остановились. Прямо за тонкой преградой из дуба и железа.

Тишина, последовавшая за этим, была хуже любого звука. Гулкая, напряжённая, полная невысказанного присутствия.

И тогда, сквозь толщу двери, до неё донёсся звук. Слабый, тонкий, противоестественный в этой давящей тишине.

Детский смех.

Не весёлый, не радостный. А сдавленный, будто подавленный ладонью. И оттого – бесконечно жуткий. Смешок, который длился всего пару секунд, а затем оборвался, будто его перерезали.

Луизу бросило в холодный пот. Каждый мускул был готов к рывку, к крику, к чему угодно. Но она лежала, парализованная ужасом, вжавшись в матрас.

За дверью снова зашуршало. Послышался лёгкий, скребущий звук, будто кто-то провёл ногтем по дереву. Один раз. Сверху вниз.

Потом шаги снова зазвучали. Медленные, неспешные. Они удалились по коридору, стали тише, тише... и растворились в полной тишине.

Прошло, наверное, полчаса, прежде чем Луиза смогла пошевелиться. Она лежала, зарывшись лицом в подушку, как ребёнок, надеясь, что если не видеть, то и угроза исчезнет. Но тишина после тех шагов и того смеха была ещё страшнее. Она была активной, настороженной, будто дом затаил дыхание, наблюдая за её реакцией.

Наконец, собрав остатки воли, она сползла с кровати и на ощупь добралась до стола. Её пальцы наткнулись на коробок спичек. Первая вспыхнула и тут же погасла, выпав из дрожащих пальцев. Со второй удалось зажечь лампу. Жёлтый свет, дрожащий и неровный, вырвал из тьмы островок комнаты. Всё было на своих местах. Ничего не изменилось. И от этого становилось только хуже – будто кошмар происходил в параллельной реальности, не оставляя следов в её.

Луиза подошла к двери. Ухо к дереву – ничего. Глаз к замочной скважине – кроме мрака узкого коридора, ничего. Но щели под дверью... там не было тумана. Зато был едва заметный, бледный отблеск, будто где-то в конце коридора горел ночник. Или кто-то прошёл со свечой.

Она взяла тяжёлый ключ и зажала его в кулаке, тупым концом наружу – жалкое подобие кастета. Потом медленно, стараясь не скрипеть, отодвинула засов. Металл скрежетнул, звук показался ей оглушительным. Она замерла, прислушиваясь к ответной реакции из-за двери. Ничего.

Повернула ключ. Щелчок замка отдался эхом в её черепе.

Луиза глубоко вдохнула и рывком открыла дверь, сама отпрянув вглубь комнаты, готовая захлопнуть её обратно.

Коридор был пуст. Длинный, тёмный, погружённый в синеватый полумрак от единственного газового рожка в самом его конце. Ни души. Ни следов. Паркет поблёскивал тускло, ровно. Ни пылинки не сдвинуто.

Она сделала шаг за порог. Воздух в коридоре был холоднее, чем в комнате, и пахнет пылью и остывшим воском. Она выглянула влево, туда, где коридор уходил в кромешную тьму за поворот. Потом вправо, к лестнице. Ничего.

«Сон, – убеждала она себя, сжимая ключ до боли в костяшках. – Галлюцинация от переутомления. Нервы».

Но её взгляд упал на дверь. На ту самую высоту, где ей послышался скрежет ногтя. И она увидела. Не царапину. Нет. Но на тёмном лакированном дереве, на уровне её лица, было крошечное, едва заметное пятнышко. Что-то влажное и блестящее. Она наклонилась, не веря своим глазам. Это был отпечаток. Маленький, смазанный, но отчётливый отпечаток губ. Как будто кто-то прислонился к двери и прошептал что-то сквозь щель. Или... поцеловал её.

Отвращение и ужас волной подкатили к горлу. Это было уже не слуховой обман. Это был физический след.

Она отшатнулась назад, в комнату, и с силой захлопнула дверь. Заколебалась, стоит ли снова запираться. Что, если это ловушка? Что, если запереться – значит запечатать себя внутри с чем-то, что уже проникло, пока она спала? Но и оставлять дверь открытой было немыслимо.

В конце концов, она всё же повернула ключ. Но не ложилась. Она села в кресло у камина, повернув его к двери, накинула на плечи плед и уставилась на деревянную панель, за которой ещё минуту назад было это. Ключ она не выпускала из рук.

Остаток ночи прошёл в этом неподвижном, леденящем бдении. Шаги не повторились. Смеха не было. Но трещина в её восприятии реальности была пробита. «Амбер Отель» перестал быть просто странным, гнетущим местом. Он показал зубы. Или то, что в нём обитало, дало о себе знать.

Оно не просто хотело, чтобы она писала. Оно хотело взаимодействия. Оно проверяло её. Пугало. И, судя по тому влажному отпечатку на двери, испытывало к ней какую-то извращённую, жуткую привязанность.

Когда в окно начал пробиваться первый, больной рассвет, окрашивая туман в грязно-серые тона, Луиза поняла одно. Уехать сейчас, сломленной и запуганной, – значило проиграть. Отель съел бы её душу, как съел, наверное, душу её матери. Она должна была остаться. Но не как писательница. Не как гостя. А как шпион в стане врага. И первое, что ей нужно было сделать утром, – это найти способ продлить своё пребывание, не вызывая подозрений. И начать искать ответы уже не в призрачных сюжетах, а в реальных, осязаемых тайнах этого дома.

Она взглянула на отпечаток на двери. При дневном свете он казался просто размытым пятном. Но она-то знала. Трещина прошла не только по лакированному дереву. Она прошла по её миру. И через эту трещину теперь дул ледяной, не принадлежащий этому миру ветер.

Рассвет не принёс облегчения. Серый свет, вползавший в комнату, лишь подчеркнул убогость обстановки и собственную измождённость Луизы. Она чувствовала себя выжатой, будто провела ночь не в кресле, а на допросе. Каждый мускул ныл, глаза пекли от недосыпа, а в висках стучала тупая, назойливая боль. Но в голове, сквозь эту физическую немощь, кристаллизовалось холодное, отчётливое решение.

Она больше не верила в совпадения. Фарфоровая рука, шаги, смех, отпечаток на двери – это была система. Намеренная, продуманная система давления. Её либо пытались сломать и выгнать, либо, что страшнее, «обрабатывали», подготавливая к чему-то. К той самой роли переписчика призраков, о которой она догадалась.

Луиза встала, её движения были медленными, механическими. Она подошла к двери и, не глядя на то самое пятно, влажной тряпкой с силой стёрла его. След исчез, но ощущение осквернения осталось. Затем она привела себя в порядок: умылась ледяной водой, переоделась в самое строгое и тёмное платье, словно облачаясь в доспехи. В сумочку, рядом со сложенной запиской «ЭТО НЕ МОЁ», она положила тяжёлый ключ от номера 217. Не как пропуск, а как вещественное доказательство и потенциальное оружие.

Ей нужно было продлить проживание. Бегство было проигрышем. Но и оставаться пассивной жертвой – тоже. Она должна была изучить поле битвы.

Спускаясь в холл, она отметила каждую деталь: трещину в лепнине на потолке, точное количество ступеней на лестнице, подозрительно чистое место на полке, где вчера стоял Константин Михайлович. Она превращалась в архивариуса собственного кошмара.

За конторкой, к её удивлению, стояла не миссис Стерлинг, а Люси Фурнье. Девушка была одета в черное платье с вырезом у бедра, не совсем можно было понять, что она работает здесь, ее белые локоны были уложены в французскую булочку. Она улыбалась той же слащавой, неестественно-радостной улыбкой, которую Луиза позже запомнит, как предвестник смерти.

Её взгляд упал на окна второго этажа. На её окно. И на соседнее. В соседнем окне, в комнате, которая, судя по расположению, могла быть 215-м или 219-м номером, стояла фигура. Высокая, тёмная. Не двигалась. Просто смотрела в её сторону, сливаясь с тенями внутри. Это не был Бенсон и не Константин. Форма казалась женской, но в этой дали и в тумане нельзя было быть уверенной.

Луизу бросило в дрожь. Она резко отвернулась и, стараясь не ускорять шаг, вернулась к парадному входу. Чувство, что за ней наблюдают, было таким же физическим, как прикосновение.

Серый, вялый рассвет пробивался сквозь туман и тяжёлую портьеру, не принося облегчения. Луиза не сомкнула глаз. Каждый скрип старого дома, каждый отдалённый стук отзывался в её напряжённых нервах, как удар колокола. Взгляд то и дело возвращался к двери, к тому месту, где на тёмном дереве, уже подсохнув, но всё ещё различимо, оставался бледный след. Не сон. Не галлюцинация.

Когда часы внизу пробили восемь, это прозвучало как приговор. День. Нормальный мир, где люди завтракают, где нет шагов в пустом коридоре и детского смеха за дверью. Но её мир теперь был здесь, в этих стенах, и правила в нём диктовал не свет дня, а та ночная, извращённая логика.

Она заставила себя встать, умыться, сменить платье. Действия были механическими. В зеркале шкафа на неё смотрело бледное, осунувшееся за ночь лицо с лихорадочным блеском в тёмных глазах. Глазами, которые видели слишком много. Она не стала стирать след с двери. Это была улика. Доказательство её здравомыслия в этом безумном месте.

Собрав волю в кулак, Луиза вышла в коридор. Он был пуст и безмолвен, залитый тусклым утренним светом. Она нарочно прошла мимо своей двери, бросив на неё быстрый взгляд. След был на месте. Значит, горничная ещё не приходила. Или... не стала убирать.

Завтрак в зимнем саду был тем же подобием трапезы: холодный чай, черствый хлеб. Миссис Стерлинг отсутствовала. Обслуживал всё тот же Бенсон, двигаясь бесшумно, как призрак. Его взгляд, скользнувший по лицу Луизы, был красноречивее любых слов: он знал. Знает, что она не спала. Знает, что что-то произошло. Но в его глазах не было ни удивления, ни сочувствия – лишь та же усталая покорность, смешанная с немым вопросом: «Ну что, убедились?»

– Бенсон, – голос Луизы прозвучал хрипло, она прочистила горло. – По ночам здесь... кто-то дежурит? Горничные, слуги?

Мальчик, ставивший перед ней тарелку, замер на мгновение.

– Нет, мисс. Ночью все спят. Или должны спать. – Он сделал паузу, подбирая слова. – Отель ночью... живёт своей жизнью. Лучше не мешать.

– А если мешают? – спросила Луиза, глядя на него прямо.

Он опустил глаза, нервно поправил край салфетки на подносе.

– Тогда он напоминает о себе. Чтобы гости помнили, где они. – Бенсон быстро оглянулся, будто боясь, что его слова подслушают стены. – Вам... вам лучше просто писать, мисс. Делать вид, что вы ничего не слышите. Он устаёт, когда им не интересуются.

«Он». Не «они». Бенсон говорил об отеле, как о живом существе.

– А твоя хозяйка? Миссис Стерлинг? Она тоже делает вид, что не слышит?

На лице мальчика мелькнула тень настоящего, не наигранного страха.

– Миссис Стерлинг... она слышит всё. Но она – часть его. Она знает, как с ним... договариваться. – Он резко отвернулся. – Мне нужно идти.

После завтрака Луиза не вернулась сразу в номер. Чувство, что её там ждёт не просто комната, а невидимый соглядатай, было слишком сильным. Вместо этого она прошла по первому этажу, пытаясь составить в уме карту этого места. Главный холл, зимний сад, тёмная дверь, ведущая, судя по всему, в кухню и служебные помещения. Массивная дубовая дверь в противоположном конце – вероятно, в те самые «закрытые крылья» или библиотеку. Она была заперта. И ещё одна лестница, узкая и крутая, уходящая наверх, в мансарды, или вниз, в подвал. От неё веяло запахом сырости и плесени.

Отель был лабиринтом. Лабиринтом, где она была и гостем, и потенциальной добычей.

Вернувшись в номер 217, она обнаружила, что след на двери исчез. Его тщательно стёрли, а поверхность начисто отполировали. Никаких извинений, никаких комментариев. Просто факт: мы можем стереть то, что вам не положено видеть.

Это безмолвное сообщение действовало на Луизу сильнее любой прямой угрозы. Её охватила холодная ярость. Они думали, что запугают её, заставят молчать, вернуться к роли пассивного писца? Ошибались.

Она села за стол и взяла не тетрадь для романа, а отдельный лист. Вверху крупно написала: «События ночи на 14 сентября». И подробно, с ледяной точностью, описала всё: время, характер шагов, звук смеха, скрежет ногтя, а главное – отпечаток губ на двери и его таинственное исчезновение утром. Это был уже не творческий дневник. Это был протокол. Досье на «Амбер Отель».

Запись дала ей странное чувство контроля. Она не просто пассивно переживала кошмар – она документировала его. Превращала в факты. А фактами можно оперировать.

Весь день она провела в этой новой роли – исследователя аномалии. Писала, но теперь каждую пришедшую в голову «творческую» деталь подвергала сомнению: «Откуда это знание? Видела ли я это где-то? Чья это память?» Она вышла в сад, но не для вдохновения, а для осмотра. Обошла фонтан, заглянула в беседку (фарфоровая рука, к её странному облегчению, исчезла), изучала грунт у стен отеля, ища... она сама не знала, чего. Признаки чего-то древнего, нечистого?

К вечеру она была морально истощена, но не сломлена. Страх никуда не делся, но теперь у него был достойный противник – непримиримое, жгучее любопытство и желание докопаться до сути.

Ночь приближалась, неся с собой новое испытание. Луиза приготовилась. Она передвинула кресло так, чтобы видеть и дверь, и окно. Рядом поставила тяжёлую чернильницу – импровизированное оружие. Ключ от номера лежал на столе на виду. Она не собиралась прятаться.

Сумерки сменились тьмой. Она не зажигала лампу, сидя в темноте и вслушиваясь в наступающую ночную жизнь дома. И снова, как и в прошлую ночь, ближе к полуночи, они начались. Шаги. В том же ритме. Но на этот раз они не приближались. Они словно бродили этажом выше, над её головой. Тяжёлые, мерные шаги, перемежающиеся тихим, монотонным поскрёбыванием, будто что-то волокли по полу.

Луиза сидела не двигаясь, лишь её пальцы впились в подлокотники кресла. Она не писала, не позволяла страху превратиться в панику. Она наблюдала. Записывала в уме: «Шаги над головой, в восточной части здания. Длительность – примерно 20 минут. Звук волочения... возможно, мебели? Или чего-то более мягкого?»

Шаги смолкли. Наступила тишина, ещё более зловещая. И тогда из-за двери, не прямо перед ней, а где-то дальше по коридору, снова донесся тот самый смех. Но на этот раз он был не одиноким. К нему присоединился другой – более низкий, хриплый, словно смеялся кто-то взрослый, но с той же неестественной, сдавленной интонацией. Они смеялись вместе, этот дуэт звучал как карикатура на веселье, леденящая пародия.

Смех оборвался так же внезапно, как и начался. И в наступившей тишине Луиза услышала новый звук. Лёгкий, едва уловимый стук. Стук не в дверь, а... в стену. В ту самую стену, что была за её кроватью. Стучали осторожно, с перерывами, будто выстукивали код. Или проверяли, спит ли она.

В этот момент рациональная часть её сознания, цеплявшаяся за объяснения вроде «сквозняк» и «воображение», окончательно рухнула. Это было намеренно. Это была коммуникация. Жуткая, необъяснимая, но коммуникация.

Луиза медленно поднялась с кресла. Страх был огромным, живым существом, сжимавшим её горло. Но под ним, как стальная пружина, распрямлялось нечто другое – решимость. Она подошла к стене, откуда доносился стук. Подняла сжатый кулак. И, собрав всю свою волю, ответила – ударила костяшками пальцев по обоям ровно три раза.

Стук за стеной мгновенно прекратился.

В гробовой тишине, последовавшей за этим, Луиза поняла, что только что пересекла незримую черту. Она не просто наблюдала. Она вступила в контакт. Игра началась по-настоящему. И по ту сторону стены теперь знали, что она не просто испуганная гостья. Она – тот, кто отвечает.

Через несколько секунд стук повторился. Уже не случайный, а чёткий, ритмичный: два быстрых удара, пауза, один удар.

Луиза не стала отвечать. Она отступила от стены, сердце бешено колотилось. Это было уже слишком. Слишком реально. Она повернулась, чтобы вернуться к креслу, и её взгляд упал на зеркало шкафа.

В тусклом отблеске света, пробивавшегося из-за портьер, в глубине зеркала, прямо за отражением её собственной бледной, искажённой страхом фигуры, она увидела это.

Тень. Не её тень. Фигуру, низкую, сгорбленную, стоявшую в самом углу отражённой комнаты, там, где в реальности была пустота. Фигура не двигалась. Она просто стояла и, как показало Луизе, смотрела прямо на неё из мира за зеркалом.

Луиза закричала. Немой, сдавленный крик вырвался из её горла. Она схватила первую попавшуюся вещь – ту самую тяжёлую чернильницу – и швырнула её в зеркало.

Раздался оглушительный звон бьющегося стекла. Осколки, смешавшись с брызгами чёрных чернил, разлетелись по полу. Отражение разбилось на десятки искажённых осколков. Тени в них задержались, заплесали, но той конкретной фигуры больше не было видно.

Луиза стояла, тяжело дыша, сжав в руках ключ, который инстинктивно схватила со стола. В ушах звенело. По её щеке скатилась слеза – не от страха, а от бессильной ярости и надвигающейся истерики.

Она посмотрела на осколки зеркала. В одном из них, самом большом, отражался кусок её лица – широко открытый глаз. А в глубине этого осколка, далеко-далеко, будто в другом конце бесконечного коридора, всё ещё маячило что-то тёмное и недвижимое.

Первая трещина появилась не в стене и не в зеркале. Она прошла через её душу. И Луиза поняла, что назад пути нет. «Амбер Отель» впустил её в свою игру. И теперь ей придётся играть до конца, даже если правила ведут в самое сердце тьмы, туда, откуда доносился этот леденящий, детский смех. Игра началась. И ставка в ней была уже не вдохновением, не славой, а её рассудком и самой жизнью.

Прошло несколько часов с того момента, как осколки зеркала упали на пол. Луиза не спала. Она сидела, закутавшись в плед, спиной к той стене, откуда доносился стук. Перед собой, на письменном столе, в круге света от единственной зажжённой свечи (она не решалась включать лампу после разбитого абажура), лежали её записи и тяжёлый ключ. Чернильное пятно на ковре медленно расплзалось, похожее на тень от невидимого существа.

Она ждала. Ждала, что шаги вернуться, что в разбитом зеркале снова проступит силуэт, что стук в стену перерастёт во что-то большее. Но дом затаился. Была лишь густая, давящая тишина, изредка нарушаемая потрескиванием полов или далёким, необъяснимым шелестом, словно кто-то перебирал сухие листья в соседней комнате.

И это затишье было хуже любой активности. Оно тянулось, заставляя её напрягать слух до боли, выискивая в нём намёк на угрозу. Каждый миг тишины казался паузой перед ударом.

И удар пришёл. Но не в виде шагов или стуков.

Сперва это был лёгкий звук, похожий на всхлип, приглушённый и далёкий, будто доносящийся из-за нескольких стен. Луиза замерла, прислушиваясь. Всхлип повторился, чуть громче. И ещё. Он нарастал, превращаясь в тихий, но отчётливый плач. Детский плач. Горький, безутешный, полный такой тоски, что у Луизы сжалось сердце, несмотря на весь ужас.

Инстинкт – подбежать, помочь, утешить – на мгновение пересилил страх. Она даже при- встала с кресла. Но тут же снова опустилась, вцепившись в подлокотники. Нет. Это не ребёнок. Здесь, в этом месте, не могло быть настоящего, живого ребёнка. Это была приманка. Ловушка.

Плач длился несколько минут, то затихая до шёпота, то снова накатывая волной отчая- ния. А потом он резко оборвался.

И в наступившей, ещё более зловещей тишине раздался смех.

Тот самый. Сдавленный, будто прикрытый ладошкой, пронизывающий до костей. Он донёлся не из коридора и не из-за стены. Казалось, он исходил сразу отовсюду – из щелей в полу, из темноты за окном, из самой толщи воздуха в комнате. Он звучал прямо у неё над ухом и в то же время где-то в бесконечной дали.

Это был чистый, неразбавленный звук кошмара. В нём не было ни капли радости, только бесконечная, извращённая насмешка над всем человеческим, над самим понятием безопасно- сти и покоя.

Луиза вжалась в кресло, зажмурив глаза, пытаясь заглушить его внутри себя. Но смех продолжался, монотонный и неумолимый. Он не приближался и не удалялся. Он просто был, как неизбежный фон этой ночи, как доказательство того, что дом бодрствует и наблюдает.

Так прошло, может, пять минут, а может, вечность. И так же внезапно, как и начался, смех прекратился.

Тишина, наступившая после, оглушила. В ушах стоял звон. Луиза медленно открыла глаза. Комната была прежней. Свеча догорала, отбрасывая пляшущие тени от осколков зер- кала. Ничего не изменилось. И в этом была самая страшная часть. Никаких видимых следов, никаких физических доказательств, кроме леденящего душу эха в памяти.

Ни шагов. Ни стуков. Только смех.

Он не пытался войти в контакт, как в прошлый раз. Он просто напоминал о своём при- сутствии. О том, что он здесь. Всегда здесь. И что неважно, что она делает – пишет, исследует, пытается защититься. Ночь принадлежит ему. И этот тихий, детский смех в темноте был его самым убедительным аргументом.

Рассвет, когда он наконец наступил, был не избавлением, а лишь передышкой. Луиза понимала, что каждые последующие сутки в «Амбер Отеле» будут копиться, как слои льда, и каждая ночь будет приносить свои ужасы. И теперь она знала, что среди них есть один постоян- ный, нерушимый элемент: тихий смех в кромешной тьме, который звучал просто потому, что мог звучать. И от которого не было спасения.

Глава 6

Утром ничего не было

Свет, пробивавшийся сквозь занавески, был серым и плоским, словно его тоже отфильтровал туман. Луиза не спала. Она сидела на краю кровати, уставясь на осколки зеркала, разбросанные по полу и склеенные засохшими чёрными потёками чернил. Ночь, наполненная смехом, который висел в воздухе, не касаясь стен, оставила в ней странную пустоту. Страх выгорел, осталась лишь леденящая, хрустальная ясность и глубокая, костная усталость.

Она больше не сомневалась. Здесь что-то было. Что-то враждебное, играющее с ней. И её первоначальная цель – творческое уединение – теперь казалась нелепой, детской затеей. Но отступать было нельзя. Отступить – означало признать, что мать сошла с ума от тех же видений, или, что хуже, что её кошмар был реальным и привёл её к гибели. Луизе нужно было понять. Но сначала – выйти из этой комнаты, этого номера-ловушки, и попытаться взглянуть на ситуацию при *дневном свете*, как на проблему, требующую практического решения.

Она собрала вещи механически, с холодной эффективностью. Одежда, туалетные принадлежности, исписанные листы – и те, что для романа, и те, что были протоколом ночных ужасов. Всё аккуратно уложено в чемодан. Ключ от 217 она зажала в кулаке, ощущая привычный холод металла и шершавость резьбы.

Выйдя в коридор, она поразилась его обыденности. Полоска солнечного света (вернее, его бледной имитации) лежала на потёртом ковре. Ни намёка на ночную жуть. Именно это и было самым пугающим – способность этого места надевать маску нормальности.

На первом этаже царила тишина. Конторка администратора была пуста. Луиза поставила чемодан у ног и позволила себе на мгновение закрыть глаза, вдыхая запах старого дерева и воска. Нужно было продлить проживание. Не потому что хотелось остаться, а потому что бегство без ответов было поражением. Она будет осторожнее. Будет изучать отель днём, искать свидетельства, странности. А ночью... Ночью будет бодрствовать, вооружённая знанием и этим ключом.

Шаги, лёгкие и быстрые, заставили её вздрогнуть. Из-за угла, ведущего в зимний сад, вышла молодая женщина. Не миссис Стерлинг. Эта была лет двадцати пяти, в аккуратном, но с вырезом у бедра платья, с чуть волнистыми белыми локонами. На её лице играла профессиональная, ничего не значащая улыбка. Улыбка, которую носят, как униформу.

– Доброе утро! – её голос был слишком звонким для этой тишины. – Вы нуждаетесь в помощи? Я – Люси Фурнье, администратор.

Луиза почувствовала лёгкое недоумение. «Новый администратор? А где же миссис Стерлинг?» Но, возможно, та просто отдыхала. Или занималась другими делами.

– Доброе утро. Я – Луиза Браун, проживаю в номере 217. Хотела бы продлить своё пребывание ещё на несколько дней.

Улыбка на лице Люси просветилась еще больше, та все еще улыбалась игривой улыбкой, а затем медленно, будто наслаждаясь сказала:

– Простите, вы сказали... в каком номере? – спросила она, вежливо склонив голову набок.

– В двести семнадцатом, – чётко повторила Луиза, показывая ключ в своей руке. Тяжёлая, резная бляха с цифрами была очевидна.

Люси Фурнье взглянула на ключ, и её голубые блестящие глаза блеснули.

– О, я вижу! Старый ключ. Какой интересный сувенир. – Она сделала паузу, выбирая слова. – Но, мисс Браун, боюсь, здесь произошло небольшое недоразумение. У нас нет номера двести семнадцать.

Воздух в холле словно сгустился. Тиканье часов внезапно стало оглушительным.

– Что вы имеете в виду? – голос Луизы прозвучал глухо, будто из другого конца туннеля. – Я живу в нём. Вот уже двое суток. Я получила этот ключ от миссис Стерлинг.

Имя, казалось, ничего не значило для Люси. Она пожала плечами, её выражение лица говорило: «Бедняжка, вы, наверное, устали с дороги».

С сарказмом.

– Миссис Стерлинг? Возможно, вы имеете в виду прежнюю управляющую? Она покинула отель... о, много лет назад. Я не знаю, какой ключ она могла вам дать. – Она повернулась к стойке и потянулась к огромной книге регистраций, той самой, что вела Элизабет Стерлинг. – Но я могу совершенно точно вас заверить: в «Амбер Отеле» нумерация заканчивается на 216. Двести семнадцатого номера не существует. Его никогда не было. В восточном крыле на втором этаже всего двенадцать номеров, с 205 по 216. Ваш ключ... должно быть, какая-то ошибка или старый пропуск.

Она открыла книгу и начала листать страницы, показывая Луизе колонки с номерами. Всё выглядело подлинно. Аккуратные записи, чернила разной свежести. И правда, номер 217 отсутствовал. Как будто его вырвали из самой ткани реальности.

Луиза чувствовала, как почва уходит у неё из-под ног. Холодный ужас, по сравнению с которым ночные шорохи были детской страшилкой, пополз по её спине. Они стирали её пребывание. Делали её гостьей-призраком, которая жила в комнате, которой нет.

– Но... мои вещи, – её голос сорвался. – Они там. Я только что оттуда. Я слышала... я видела...

– Возможно, вы остановились в другом месте? – перебила её Люси, её взгляд скользнул по чемодану Луизы. – Или, быть может, вы перепутали отель? В округе есть несколько старых пансионатов.

Это было уже откровенное газлайтинг. Вежливое, улыбчивое, но абсолютно беспощадное стирание фактов.

В этот момент в холле появилась она. Элизабет Стерлинг. Она стояла в дверном проёме, ведущем вглубь дома, её чёрное платье сливалось с тенью. На её лице не было ни удивления, ни гнева. Только та же ледяная, безразличная ясность. Она наблюдала. Молча. И в её водянисто-серых глазах читалось не просто знание, а соучастие. Она видела панику Луизы и была довольна.

Люси, заметив её, тут же сменила тон на почтительный.

– Миссис Стерлинг! Эта молодая леди, кажется, немного запуталась. Утверждает, что проживает в несуществующем номере 217.

Элизабет Стерлинг медленно перевела взгляд с Люси на Луизу. Вдохнула, звук был сухим, как шелест пергамента.

– Очередная жертва богатого воображения и усталости от дороги, – произнесла она своим ровным, бесцветным голосом. – «Амбер» иногда оказывает такое влияние на впечатлительных натур. Особенно тех, кто приезжает в одиночестве, в поисках «вдохновения».

– Но я же помню, как брала его, Бенсон может...

Люси зашагала вперед и грациозно покачивая бёдрами, двинулась к лестнице, жестом приглашая Луизу следовать за собой. В её спине читалась уверенность победителя, который ведёт оппонента к месту, где окончательно снимет все его карты.

На втором этаже Люси уверенно повела её к концу коридора. Мимо дверей 215, 216. И остановилась перед... дверью. Не той массивной, знакомой дверью в номер 217, а более узкой,

простой, покрашенной в тот же тёмный цвет, что и стены, и лишённой номерной таблички. На ней висел маленький, современный висячий замок.

– Вот, – сказала Люси, жестом указывая на дверь. – Гардеробная. Как видите, она заперта. И выглядит именно как подсобное помещение.

Луиза смотрела на эту дверь, и её мир дал трещину. Эта дверь не была той дверью. Она была уже, проще. Но она находилась ровно на том же месте. Это было чудовищно. Это означало, что они... что они заменили дверь. Или что-то ещё более немыслимое.

– Откройте её, – тихо, но твёрдо потребовала Луиза.

Люси на мгновение замерла, её вежливая маска дрогнула, обнажив лёгкое раздражение.

– Я не могу. Ключ у горничной. И, как я уже сказала, это служебное помещение. Туда нет доступа гостям.

– Но мой номер был здесь! – голос Луизы дрогнул, пробиваясь сквозь сжатое горло. – Мои вещи там!

– Ваши вещи, – мягко парировала Люси, – должно быть, находятся в номере, который вы фактически занимаете. Может, вы ошиблись номером? Или... – она сделала паузу, – быть может, вам просто показалось? После бессонной ночи, в таком месте... воображение может сыграть злую шутку.

Газлайтинг. Чистый, беспримесный, оформленный в виде заботы.

Луиза посмотрела на узкую, непримечательную дверь, потом на свой старый, тяжёлый ключ. Ключ не подошёл бы к этому замку. Он был ключом от другой двери. От двери, которой, согласно их реальности, больше не существовало.

Она поняла, что проиграла этот раунд. Они подготовились. Они имели ответ на всё. Они могли менять реальность, как декорации.

Не сказав больше ни слова, она повернулась и пошла обратно по коридору, волоча чемодан. Люси не стала её удерживать. Она просто стояла у двери в «гардеробную», наблюдая, как Луиза уходит.

Спустившись в холл, Луиза увидела, что Элизабет Стерлинг исчезла. Будто её и не было. Холл был пуст, тих и абсолютно нормален.

Луиза вышла на улицу, в холодные объятия йоркширского тумана. Она не продлила проживание. Она бежала. Но поезд до Лондона был только вечером. И весь день, сжимая в кармане ключ от несуществующего номера, она чувствовала на себе незримый, тяжёлый взгляд из-за стёкол «Амбер Отеля». Они стёрли её комнату, подменив её гардеробной. И теперь она с ужасом думала: а что, если следующим шагом будет стереть её саму? Заменить её воспоминания, её личность на что-то более удобное, как они заменили дверь? Туман стучался, и в нём уже не было ничего романтического – только безразличная, всепоглощающая белизна, готовая скрыть всё что угодно.

Утром ничего не было. Ни шагов, ни смеха, ни отпечатка на двери. А скоро, возможно, не будет и её самой. Во всяком случае, той версии себя, что верила в реальность происходящего.

Глава 7

Газетные обои

Дорога от «Амбер Отеля» до вокзала в Хэзертоне пролегала через туманные поля и молчаливые перелески. Луиза шла быстро, почти бежала, волоча чемодан по мокрой от росы грунтовой дороге. Каждый хруст гравия под ногами, каждый крик одинокой вороны заставлял её вздрагивать и оборачиваться. Ей казалось, что за ней следят – что из-за каждого дерева, из клубящегося тумана за ней наблюдают те же безразличные глаза, что и из окон отеля.

Но вокруг не было ни души. Только сырая, давящая тишина и белая пелена, поглотившая мир.

В голове стучало, как в лихорадке, обрывки мыслей, воспоминаний, страхов.

Гардеробная.

Это слово жгло сознание. Как просто, как цинично! Не стирать комнату из реальности магическим образом – нет, эти люди действовали прагматично, по-хозяйски. Просто объявить помещение служебным. Поставить другую дверь. Сказать: «Вам показалось». И всё. Реальность переписана. Её двухдневное пребывание, её ночные кошмары, её исписанные листы – всё превращалось в плод воображения впечатлительной барышни.

Луиза сжала в кармане ключ. Холодный металл впивался в ладонь, напоминая о своей несомненной, грубой реальности. Он был. Он существовал. И он не подходил к той жалкой двери с висячим замком.

А что было за этой новой дверью? Пустота? Склад старых тряпок? Или... там всё ещё стояла её недопитая чашка, валялись осколки зеркала, а на столе лежали исписанные листы с историей, которая не принадлежала ей? Заперли ли они её комнату, её свидетельства, как опасный артефакт? Или просто заново оклеили стены, заменили мебель, стерев все следы её пребывания за несколько часов?

Она вспомнила едва заметный стык обоев на «стене», которая была её дверью. Мастерская работа, но не идеальная. Достаточно, чтобы обмануть беглый взгляд, но не пристальное изучение. Значит, они не всемогущи. Они – ремонтники, лжецы, но не волшебники. Их сила была в наглости, в спокойном отрицании очевидного.

И миссис Стерлинг... Элизабет. Та просто наблюдала. Была архитектором этого обмана. А Люси – исполнителем, лицом, произносящим удобную ложь с безупречной вежливой улыбкой. Сладкоголосый палач.

Поезд на Лондон отходил только глубоким вечером. Весь день Луиза провела в холодном, пропахшем угольной пылью и табаком зале ожидания маленького вокзала. Она купила чай, но не могла пить – в горле стоял ком. Она пыталась читать газету, но буквы расплывались перед глазами.

Её преследовало чувство, что она что-то упустила. Что-то важное. Помимо лжи и подмены, в отеле была тайна, куда более глубокая. Тот детский смех... эти шаги... ключ с латинской надписью... история матери. Всё это было звеньями одной цепи, а она, испугавшись грубой физической подделки, бежала, так и не дотянувшись до сути.

«Ad Lucem per Umbras». К свету через тени. Ироничный девиз для места, которое лишь множило тьму и ложь.

С наступлением сумерек туман не рассеялся, а лишь посинел, стал ещё плотнее. Когда Луиза наконец села в вагон третьего класса, почти пустой в такой час и в таком направлении, она почувствовала не облегчение, а новую, щемящую тревогу. Она уезжала, но забирала

с собой заразу. Этот ключ, эти воспоминания, этот страх – они теперь были частью её. И что, если «Амбер Отель» не отпускал своих гостей так просто? Что, если границы его влияния простирались дальше йоркширских туманов?

Поезд тронулся, увозя её от давящих громад отеля, но не от ощущения, что за окном, в наступающей ночи, в клубах пара и дыма, за ней наблюдают. Что тонкий, почти невидимый стык на обоях в конце коридора был не просто следом ремонта, а шрамом на самой реальности. И она, Луиза Браун, теперь знала, что такие шрамы бывают. И один из них – тот, что разделил её жизнь на «до» и «после», – навсегда остался у неё в памяти, зияя немым вопросом: что же на самом деле скрывали эти старые, тёмные обои?

Холодный, сырой воздух вокзального перрона, пропахший угольной пылью и мокрым камнем, казался Луизе глотком свободы. Но свобода была горькой. Она стояла, прижавшись спиной к шершавой кирпичной стене станционного здания, и смотрела, как клубится туман над рельсами. Чемодан стоял у её ног, верный свидетель её бегства.

Внутри всё дрожало от унижения и ярости. Их наглая ложь, этот спектакль с гардеробной – всё это было рассчитано на то, чтобы сломать её, заставить усомниться в собственном рассудке. И самое ужасное, что на миг это почти сработало.

Но ключ в её кармане был твёрд и реален. И воспоминания – тоже. Они не могли их стереть. Они могли только спрятать.

Луиза закрыла глаза, мысленно возвращаясь в тот коридор. Она видела не ту жалкую дверь с замком, которую показала Люси, а свою дверь. Массивную, тёмную, с тяжёлой латунной цифрой «217». Она видела каждый сучок на дереве, тот самый, что был на уровне её глаз слева от ручки. Она видела, как её пальцы вчера нащупали под обоями у плинтуса крошечный, острый осколок стекла от разбитого зеркала, который она не смогла поднять. Эти детали были её якорем. Её доказательствами против их безупречной, отполированной лжи.

Она знала, что они сделали. Они не стали возводить стену. Это было бы слишком долго, слишком заметно. Они просто... заменили дверь. Поставили более узкую, неприметную, служебную. Перевесили табличку (или просто убрали её). А её дверь... куда они дели её дверь? Спрятали? Разобрали? Её комната теперь была кладовкой, её прошлое – беспорядком, который нужно было запереть.

И Элизабет Стерлинг наблюдала за этим. Была режиссёром. В её ледяных глазах Луиза прочитала не просто удовлетворение, а нечто большее – привычку. Так они поступали всегда. Стирали неудобных гостей, как стирают пыль с мебели.

Мысль была отвратительной и леденящей. Сколько таких, как она, уже побывало в «Амбер Отеле»? Сколько уехало, сломленных и сомневающихся в себе, унося с собой лишь смутное чувство неправильности, которое со временем списывалось на нервы или усталость?

А её мать... Мать, которая тоже здесь была. Которая боялась. Что она видела? До чего докопалась? И чем это для неё кончилось?

Луиза открыла глаза. Туман медленно полз по рельсам, заглатывая конец платформы. Поезд опаздывал. Это ожидание, эта вынужденная бездеятельность сводили с ума. Она чувствовала себя загнанной в угол даже здесь, на открытом пространстве.

Она потянулась к чемодану, не чтобы проверить вещи, а чтобы ощутить связь с тем, что было реальным и её. И тут её взгляд упал на её собственные руки. На ногти. На правой руке, на указательном пальце, под ногтем, застряла крошечная, почти невидимая соринка. Что-то беловатое, волокнистое.

Луиза нахмурилась, поднесла палец ближе к глазам. Это не грязь. Это выглядело как... бумажное волокно. Обои.

Она замерла, дыхание перехватило. Вчера. Когда она в отчаянии водила руками по стене, ища хоть что-то, её ногти, должно быть, слегка зацепили старый, высохший клей на стыке полотен. Она оторвала микроскопический клочок.

Сердце заколотилось с новой силой. Это была не просто память. Это был физический след. Частица того места, той лжи. Она осторожно извлекла волокно и, не имея под рукой конверта, засунула его в пустой бумажный фунтик из-под леденцов, который нашла в кармане. Действовала она с сосредоточенной, почти хирургической точностью.

Эта маленькая, ничтожная находка изменила всё. Она больше не была жертвой газлайтинга. Она была следователем, у которого появилась первая улика. Пусть смехотворная, но осязаемая. Вдалеке, сквозь туман, послышался глухой гул и протяжный свисток. Поезд.

Облегчение, хлынувшее на неё, было таким сильным, что на мгновение её подкосило. Она схватила чемодан и сделала шаг навстречу приближающимся огням.

Но в самый последний момент, прежде чем войти в вагон, она обернулась. В сторону той дороги, что вела обратно к «Амбер Отелю». Туман висел над ней непроницаемой пеленой. Ничего не было видно.

Но Луиза знала, что там, за этой пеленой, в конце коридора на втором этаже, под свежеприклеенными обоями, скрывается другая дверь. И за ней – правда. Правда о том, что случилось с ней. Правда о том, что случилось с её матерью. Правда, которую они так старательно заклеивали, как заклеивают старые, неудобные газеты свежими, чистыми листами.

Она вошла в вагон. Дверь захлопнулась, отрезав йоркширскую ночь. Поезд тронулся, увозя её прочь. Но теперь она увозила с собой не только страх и ключ. Она увозила крошечный клочок обоев, нить, ведущую обратно в самый центр лабиринта. И твёрдое, холодное намерение когда-нибудь дернуть за эту нить, чтобы обрушить всю их хлипкую, бумажную ложь.

Вагон трясло и укачивало, ритмичный стук колёс по стыкам рельсов отдавался в висках глухим, навязчивым отсчётом времени. Луиза сидела у окна, прижав лоб к холодному, грязному стеклу, но видела не мелькающие во тьме огоньки ферм и редких станций, а одно и то же: лицо Люси Фурнье с её безупречной, лживой улыбкой. И за её спиной – неподвижную, как изваяние, фигуру Элизабет Стерлинг.

Поезд увозил её, но паника не отпускала. Она сжималась в комок в углу сиденья, вздрагивая от каждого скрипа вагона, от каждого голоса на другом конце полупустого салона. Ей казалось, что запах «Амбер Отеля» – этот микс воска, затхлости и чего-то сладковато-гнилостного – въелся в её одежду, в кожу, и теперь будет преследовать её везде.

Она проверяла карман каждые пять минут. Ключ был на месте. Бумажный фунтик с волокном обоев – тоже. Эти вещи стали её талисманами, единственными доказательствами того, что она не сошла с ума. Но в то же время они были и якорем, тянувшим её назад, в ту бездну.

Мысли метались, как пойманные мухи. Что было правдой? Её проживание в комнате или «гардеробная»? Детский смех или «игра воображения»? Её мать, говорившая о зеркалах, которые лгут, или «горячечный бред умирающей»?

Луиза понимала, что именно в этом и заключалась самая страшная ловушка. «Амбер Отель» не просто пугал. Он заставлял сомневаться в фундаменте собственного разума. Он стирал границы между реальностью и кошмаром так мастерски, что жертва сама начинала помогать палачу, объясняя всё рациональными причинами.

«Я переутомилась. Я впечатлительна. У старых домов скрипят полы. Это был ветер в трубах».

Нет. Она не позволит им этого. Не позволит себе.

Она вытащила из сумочки блокнот и ручку. При тусклом свете вагонной лампы её почерк был нервным, угловатым, но она писала быстро, пока память была свежа. Не художественный текст. Протокол. С холодными фактами.

**«14 сентября. «Амбер Отель», номер 217 (заявленный). Получен ключ от Э. Стерлинг. Вес, резьба, надпись «Ad Lucet per Umbras». Ночь первая: шаги, смех детский, звук скрежета*

*по дереву. Обнаружен влажный след на двери (отпечаток губ?). Исчез к утру. Ночь вторая: смех повторяется, стук в стену, визуальный контакт с сущностью в зеркале (разбито). Утром: попытка продлить проживание. Администратор Люси Фурнье отрицает существование номера 217. Утверждает, что помещение является гардеробной. Показана другая дверь (уже, современный замок). Э. Стерлинг присутствует, подтверждает версию Фурнье, намекает на «впечатлительность» и рекомендует покинуть отель. Физическая улика: микрообрезец материала (обои/клей) с места, где предположительно находилась дверь 217, извлечён из-под ногтя. Сохранён». **

Она перечитала написанное. Сухие строчки не передавали и сотой доли ужаса, но они фиксировали последовательность. Они создавали нарратив, альтернативный тому, что пытались навязать ей Стерлинг и Фурнье.

Луиза оторвала листок, сложила его вчетверо и спрятала в потайной кармашек сумки, вместе с ключом и фунтиком. Теперь у неё было досье. Маленькое, хрупкое, но её.

Поезд, набирая скорость, вырвался из зоны сплошного тумана. За окном промелькнули тёмные холмы, очертания которых угадывались под звёздным, наконец-то чистым небом. Кажется, она вырвалась. Но облегчение не наступало. Вместо него пришло новое, гнетущее чувство – осознание, что она оставила поле боя. Что она отступила перед лицом лжи.

Она вспомнила предупреждение матери: «Никогда не оставайся там». Теперь она понимала его всей душой. Но мать не просто уехала. Мать испугалась чего-то настолько, что это стало наваждением на смертном одре. Уехала ли она вообще? Или... её заставили уехать? Стерлинг и тот, «человек с глазами льда», о котором она писала в дневнике?

Лондон, её дом, привычная жизнь – всё это теперь виделось Луизе через искажённое стекло. Там её ждали счета от издателя, обеспокоенная (или раздражённая) мать, привычный круг общения, который никогда не поймёт. Как она сможет говорить о произошедшем? Кто поверит в историю о номере-призраке, подменённых дверях и детском смехе в ночи? Её сочтут истеричкой, писательницей, заигравшейся в свои же сюжеты.

Нет. Она не сможет рассказать. Не сейчас. Сначала нужно разобраться. Нужны доказательства посерьёзнее. Нужно понять, что связывало её мать с этим местом.

Поезд, грохоча, влетел в короткий туннель. На мгновение вагон погрузился в полную, густую тьму, и Луизе показалось, что в чёрном стекле окна отразилось не её лицо, а что-то другое – бледное, с расплывчатыми чертами. Она вскрикнула и отпрянула.

Свет вернулся. В окне была только она, широко раскрытыми глазами смотрела на своё испуганное отражение. Искушение списать это на нервы было огромным. Так легко, так удобно.

Но она сжала в кармане ключ. Холодный, неудобный, непоколебимо реальный. Как и её гнев. Как и её решимость.

Она не просто сбежала. Она отступила для перегруппировки. «Амбер Отель» открыл ей свою тайну – тайну лжи, способной перекраивать реальность. И теперь, нравилось ей это или нет, она была в этой игре. Игра только начиналась. А у неё в руках был ключ. Не только от несуществующей комнаты. Ключ к тому, что они так старательно прятали под свежими обоями и сладкими улыбками. И она намеревалась этим ключом воспользоваться.

Поезд мчался сквозь ночь, унося Луизу всё дальше от йоркширских туманов. Ритмичный стук колёс, обычно убаюкивающий, теперь казался навязчивым маршем, битвом отступающих войск. Она больше не смотрела в окно. Она уставилась на пустоту между сиденьями, пытаясь упорядочить хаос в голове.

Мысли, одна страшнее другой, громоздились, как камни оползня.

Зачем? Зачем нужно было так изошрённо отрицать существование номера? Зачем весь этот театр с Люси? Если они хотели просто избавиться от неё, могли бы сказать, что номер занят, или что-то случилось с водопроводом. Нет, им было важно не просто выпроводить её. Им было важно переписать её опыт. Стереть его, как ошибку на черновике.

Значит, комната 217 была важна. В ней было что-то, что нельзя было просто сдать следующему постояльцу. Что-то, что требовало полного отрицания.

Или... кто-то.

Леденящая догадка пронзила её. А что, если не она была там незванным гостем? Что, если в этой комнате уже кто-то «проживал»? Тот, чьи шаги она слышала? Чей смех звучал в ночи? Они не могли позволить ей остаться и... познакомиться ближе. Или раскрыть его присутствие.

«Он устаёт, когда им не интересуются», – сказал Бенсон. Отель устаёт? Или его обитатель?

Луиза вспомнила фарфоровую руку в саду. Руку куклы, которая потом исчезла. Совпадение ли, что она описала такую же деталь в своём наброске? Отель подбрасывал ей кусочки пазла, а её разум, жадный до сюжетов, хватал их и встраивал в историю. Как будто она писала не сама, а под диктовку того, кто жил за стеной.

И тогда, как холодная вода, окатило окончательное понимание. Они не просто ввали про гардеробную. Они охраняли. Охраняли тайну, которая жила в номере 217. И её мать, должно быть, тоже наткнулась на эту тайну. Пыталась её описать. И за это... что? Её выгнали? Запугали? Или нечто худшее?

От этой мысли Луизу бросило в дрожь. Она потянулась к сумочке, не за ключом, а за записной книжкой матери. Она достала её и прижала к груди, как щит. В этих потрёпанных страницах могли быть ответы. Разгадка, за которую мать, возможно, заплатила жизнью.

Поезд замедлил ход, приближаясь к крупной станции. На платформе замелькали огни, послышались голоса. Нормальная жизнь, такая далёкая и недостижимая. Луизе вдруг страшно захотелось выскочить здесь, посреди ночи, в незнакомом городе, и просто бежать. Подальше от маршрута, который мог быть предсказуем. Что, если они... кто бы они ни были... проследят за ней? Элизабет Стерлинг с её всевидящим холодным взглядом казалась способной на всё.

Но это был паранойя. Такой же инструмент их игры – заставить её бояться теней в собственном мире.

Нет. Она поедет домой. В свою крепость. И там, в безопасности, начнёт собирать информацию. Архивы, старые газеты, записи... Всё, что может пролить свет на историю «Амбер Отеля», семьи Стерлинг и её матери.

Поезд тронулся снова. Луиза наконец рискнула взглянуть в окно. В тёмном стекле, поверх мелькающих огней, отражалось её бледное, измождённое лицо. И за её отражением, в глубине вагона, на пустом сиденье напротив...

Ничего. Конечно, ничего. Просто игра света и тени.

Она зажмурилась. Её рука снова потянулась к карману, нащупала ключ. И в тот самый момент, когда пальцы обхватили холодный металл, в ушах, поверх грохота колёс, отдался короткий, сдавленный звук. Совсем как тогда, за дверью.

Детский смех.

Одну секунду. Не громче биения сердца.

Луиза резко открыла глаза, обернулась. Вагон был почти пуст. Пара сонных пассажиров в дальнем конце. Кондуктор, проходивший по коридору. Никаких детей.

Это было в её голове. Эхо. Или... предупреждение.

Они не просто вычеркнули её из книги регистраций. Они вписали её в свою. И теперь, где бы она ни была, тонкая, невидимая нить связывала её с комнатой 217, с тем, что в ней обитало. Она увезла с собой не только ключ и обойную пыль. Она увезла с собой внимание.

Поезд нырнул в очередной туннель, и в крошечной тьме Луиза почувствовала себя полностью одинокой и незащищённой. Бегство не принесло свободы. Оно принесло понимание, что побега нет. Что бы ни скрывалось в «Амбер Отеле», оно уже выпущено на волю. И теперь оно было с ней. В её памяти. В её страхах. В тихом смешке, застрявшем где-то в извилинах сознания.

Лондон ждал впереди, огромный, безразличный, полный своих шумов и забот. Но для Луизы Браун он больше не был домом. Домом теперь было тихое, тёмное место за дверью, которой не существует. И ключ от него – у неё в руке. Не для того чтобы открыть. Для того чтобы напоминать. Напоминать, что игра только началась, и ход – снова за ней.

Когда поезд наконец вполз под своды вокзала Кингс-Кросс, уже начинался предрассветный час. Лондон встретил её привычным гулом, но теперь этот гул казался не защитным шумом цивилизации, а тревожным, чужим гулом. Луиза вышла на платформу, и усталость навалилась на неё такой тяжёлой волной, что на миг она готова была опуститься прямо на чемодан. Она уехала. Но бегство было горьким, и паника не отпускала, цепляясь холодными когтями за рёбра.

Она уже собиралась поймать кэб, когда увидела знакомую фигуру, прохаживающуюся у входа в зал ожидания. Тётя Изабелла. Не мать – мать была мертва. Тётя Изабелла. Её лицо под тёмной вуалью шляпки было бледным и напряжённым.

– Луиза! Слава богу! – Тётя Изабелла почти побежала к ней, и её объятия были крепкими, но дрожащими. – Я так волновалась.

Голос тёти Изабеллы, обычно такой весёлый и твёрдый, звучал с непривычной дрожью. Луиза почувствовала, как в горле встаёт комок. Вот он – единственный человек, который мог если не понять, то хотя бы не осудить её сразу.

– Тётя, – прошептала она, с трудом сдерживая слёзы. – Я... Мне нужно поговорить.

Изабелла отстранилась, пристально посмотрела на её лицо, и в её глазах, обычно таких живых, мелькнуло нечто знакомое Луизе – тень старого, глубокого страха.

– Конечно, дитя моё. Конечно. Мой кэб ждёт.

Дорога до уютного, немного старомодного дома Изабеллы в Блумсбери прошла в молчании. Тётя не расспрашивала, лишь держала племянницу за руку, и её пальцы были холодными. Луиза смотрела в окно, но видела не улицы, а тот безупречный, лживый коридор, узкую дверь и холодные глаза Элизабет Стерлинг.

В гостиной Изабеллы, среди любимых безделушек и книг, за чаем с крепким, почти лечебным виски, Луиза наконец начала говорить. Сначала сбивчиво, потом всё увереннее. Она не стала приукрашивать или пытаться звучать рационально. Она рассказала всё: о творческом тупике, о материнских историях, о приезде, о ледяной хозяйке, о тяжёлом ключе, о потоке слов, который не был её, о ночных шагах и смехе, о разбитом зеркале. И, наконец, об утре – о Люси Фурнье, о «гардеробной», о том, как у неё на глазах стёрли целую комнату из реальности.

Изабелла слушала, не перебивая. Её лицо становилось всё бледнее, а когда Луиза упомянула название отеля, она закрыла глаза, будто от боли.

– «Амбер Отель», – прошептала она, когда Луиза замолчала. – Так ты всё-таки поехала туда. Я чувствовала... Я боялась этого, когда ты заговорила о Йоркшире. Я надеялась, что ты просто нашла другое место.

– Ты была там, – не спросила, а констатировала Луиза. – С мамой.

Изабелла кивнула, её руки сжимали чашку так, что костяшки побелели.

– Была. Много лет назад. Твоя мать... Кэтрин... она тогда работала над своей первой серьёзной вещью. Романом. И она тоже слышала какие-то слухи об этом месте. О его странной атмосфере. Она решила, что это будет идеальным местом для вдохновения. Я поехала с ней. – Она замолчала, глотая воздух. – Мы пробыли там три дня. На третий день... с Кэтрин что-то случилось. Она не была собой. Говорила о зеркалах, о тенях, о том, что за ней следят. Писала лихорадочно, почти без остановки, но потом рвала написанное. В последнюю ночь она закричала. Просто закричала посреди ночи, не просыпаясь. Больше я не могла. Я уложила её,

полубессознательную, в карету и увезла. Она потом долго болела. И никогда больше не писала тот роман. А об отеле... мы поклялись никогда не вспоминать.

– Но мама вспоминала, – тихо сказала Луиза. – В бреду, перед смертью. Она предупреждала меня.

– И правильно делала, – голос Изабеллы стал резким. – Это проклятое место, Луиза. Оно... оно высасывает что-то из людей. Особенно из таких, как вы с матерью. Из тех, кто умеет слушать тишину и видеть то, чего не видят другие. И те люди, которые им управляют... Стерлинг... Я видела её тогда. Молодую, но уже такую же холодную. Как статуя. Она что-то охраняет там. Или кого-то.

Луиза вытащила из кармана ключ и положила его на стол между ними. Изабелла вздрогнула, отшатнулась, будто от змеи.

– Они пытались убедить меня, что этого номера не существует. Что это просто старая ошибка. Но он существует, тётя. Он существует, и у меня есть ключ. И есть вот это. – Она достала бумажный фунтик. – Частица с того места. Они заклеили дверь, но не идеально.

Изабелла с ужасом смотрела на улики, а потом медленно подняла взгляд на племянницу. В её глазах боролись страх, жалость и нечто новое – уважение.

– Что ты собираешься делать, дитя моё? – тихо спросила она.

Луиза глубоко вдохнула. Теперь, выговорившись, её собственный план обрёл чёткость.

– Я не могу просто забыть. Они что-то скрывают. Что-то связанное с мамой. И теперь – со мной. Я не буду лезть обратно в эту берлогу. Но я собираюсь узнать о ней всё. Всё, что можно найти здесь, в Лондоне. Архивы, старые газеты, любые упоминания о «Амбер Отеле», о семье Стерлинг, о происшествиях там. И... о маминой поездке. У тебя остались её вещи с тех пор? Бумаги?

Изабелла долго смотрела на неё, а потом медленно кивнула, словно принимая неизбежное.

– На чердаке. Старый сундук. Я никогда не решалась его разбирать. Боялась того, что найду. – Она протянула руку и накрыла своей холодной ладонью руку Луизы, лежавшую рядом с ключом. – Но если ты решилась... я помогу тебе, Лу. Твоя мама была мне очень дорога. И я не позволю этому месту забрать и тебя. Ни физически, ни... душевно.

Луиза впервые за несколько дней почувствовала не призрачное облегчение бегства, а твёрдую почву под ногами. Она была не одна. И у неё была не только тайна, но и цель. У неё было начало расследования. И первая ниточка вела не в йоркширские туманы, а на пыльный чердак дома тёти Изабеллы, к сундуку с призраками прошлого.

Глава 8

Возвращение к истокам

Дом, казалось, втянул в себя весь сентябрьский туман и не собирался его выпускать. Тишина, воцарившаяся в его стенах после отъезда из «Амбер Отеля», была не мирной, а густой, принудительной, словно вату, пропитанную парафином, заложили не только в уши, но и в самую душу. Луиза Браун превратилась в призрака в собственном доме.

Она не выходила. Сама мысль о том, чтобы повернуть тяжелую латунную ручку входной двери, вызвала у неё физическую тошноту, сжимая горло комом. Выход был заражённым про- странством, где за каждым углом, из-за ветрового стекла каждого проезжающего «Паккарда» или «Де Сото», могла выглянуть улыбка Люси Фурнье или ледяной взгляд Элизабет Стерлинг. Провизию она заказывала по телефону, а платила и передавала списки через соседку, миссис Эдит Хендерсон. Пожилая леди, чьё лицо было изрыто морщинами, как старая географиче- ская карта, сначала качала головой, видя в этом каприз молодой писательницы, но после того, как Луиза, бледная, с горящими лихорадочным блеском глазами, объяснила, что восстанавли- вается после тяжелого нервного истощения и доктор прописал полный покой, – прониклась материнской жалостью. Каждые три дня у чёрного почтового ящика с орлом появлялась плетё- ная корзинка, накрытая клетчатой салфеткой. Яйца, хлеб, банка солонины, иногда кусок твёр- дого сыра. Звонок в дверь заставлял Луизу, затаив дыхание, прильнуть к боковому оконцу в гостиной. Она следила, как корзинка появляется, как фигура миссис Хендерсон в клетчатом пальто удаляется, лишь тогда выпуская из лёгких задержанный воздух. Каждый такой звонок был миниатюрным сердечным приступом.

И всё же, в этом добровольном заточении, с ней происходило нечто парадоксальное. Творческий блок, мучивший её месяцами, рассыпался в прах. Но цена оказалась чудовишной. Она не писала – она изрыгала текст. Её пишущая машинка «Андервуд №5», доставшаяся от отца, стучала теперь не просто регулярно, а с какой-то одержимой, пулемётной скоростью, заполняя ночи своим металлическим треском. Героиня её нового романа, светская львица Вик- тория Рэй, отправившаяся в загадочный шотландский замок, чтобы развеять скуку, претерпела жуткую метаморфозу. Любопытство сменилось паранойей, азарт расследования – животным страхом. Замок на страницах дышал, жил своей враждебной жизнью. Шаги в пустых галереях не просто раздавались – они преследовали, настигали, обгоняли. Портреты в золочёных рамах не просто смотрели – они подсматривали. Зеркала в затемнённых будуарах отражали не Вик- торию, а какие-то искажённые, ускользающие тени. Луиза не выдумывала атмосферу. Она, с холодным, почти клиническим ужасом, транскрибировала собственные ощущения из номера 217, доводя их до гротеска, до предела. Писала о том, как стены смыкаются, как воздух ста- новится тяжёлым и липким, как знакомые предметы – чернильница, перо, книга – внезапно обретают зловещую, не свою сущность. Она ловила себя на том, что её собственный страх, её паранойя, вывернутые наизнанку и спроецированные на героиню, обретали на бумаге пуга- ющую убедительность. Это был не творческий процесс, а экзорцизм, и демоном был её соб- ственный, только что пережитый, опыт.

Единственной связью с внешним миром, помимо доброй миссис Хендерсон, стал голос её редактора, Маркуса Финча. Его звонки по чёрному дисковому телефону в прихожей были как вести с другой планеты – шумной, деловой, нормальной.

«Луиза, дорогая моя! – гремел в трубке его бархатный баритон, привыкший командовать и вдохновлять. – Получил новую порцию главы. Читал при свете настольной лампы и, клянусь, у меня трижды спина холодила! Это же чистейший, выдержанный психоз в прозе! Ты нашла

свою жилу, девочка! Такой напряжённой, гипнотической прозы у тебя ещё не было. Издательство будет в восторге!»

Луиза, прижимая холодную Bakelite-трубку к уху, молча смотрела в окно, где дождь стекал по свинцовым переплётам, словно слёзы на чьём-то огромном лице.

«Маркус, – её собственный голос звучал глухо, отдалённо. – Это... это просто идёт».

«Идёт?! – он фыркал. – Это несётся галопом! Но, послушай, Лу...» Его голос внезапно терял деловую бравурность, становился мягче, почти отеческим. «Ты в порядке? Ты говоришь так, будто из глубокого колодца. И по линии – какой-то постоянный фон, шипение. Точно всё в порядке дома? Может, тебе к доктору?»

«Я просто очень устала, – отрезала она, машинально наматывая на палец спиральный шнур телефона. – Эта книга... она высасывает все соки. Я мало сплю».

«Книга книгой, но здоровье дороже, – настаивал Маркус. – Вылезай из своей скорлупы. Пройдись по Гайд-парку, вдохни свежего воздуха. Встреться со своей подругой, с Лили. Сходите в кафе на Пикадилли, выпейте по чашке хорошего эспresso. Ни один бестселлер, даже будущий, не стоит твоих нервов, поверь старому волку».

Прогулка. Кафе. Эспresso. Эти слова казались ей не просто чужими, а издевательски нелепыми, как реплики из плохой комедии, которую транслируют по радио. Она с закрытыми глазами представляла себе эти действия: надеть пальто, выйти на крыльцо, пройти по мокрому тротуару. И в этой мысленной картине из каждой подворотни выползала тень, в каждом проносящемся мимо автомобиле мелькало знакомое лицо. Лимузин, остановившийся у тротуара, опущенное стекло, и оттуда – тонкая струйка сигарного дыма и молчаливый, всевидящий взгляд.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.